

Лина Цоир

СКРЫТИЕ ТВОРЦА

Рассказы

Чикаго 2015

Лина Цоир

СКРЫТИЕ ТВОРЦА

Рассказы

Корректор – Людмила Корикова.
Оформление и дизайн – Анастасия Огнева.

Copyright © 2015 by Lina Tsoir.
All rights reserved.

Данное издание охраняется авторским правом США. Переиздание, воспроизведение с помощью электронных средств или любым иным способом всей книги или ее части допускается только с письменного разрешения обладателей авторских прав.

No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews.

Содержание

Простые синие люди	5
Несправедливое распределение	11
И пароход вдалеке	17
Мида кенегед мида	21
Сад закрыт на просушку	27
Непримиримые противоречия	33
Астрологический прогноз	41
Чудный май, желанный май	49
Хранитель классного журнала	55
Как розовые птицы	63
Вздыхая по Киото	69
Памятка жителю Вселенной	73
Прошлым летом в Мариенбаде	79
Единственный вариант	83
Скрытие творца	87
По берегу Леты	93
Последний день – Помпеи	97
Совсем другая линия	103
День Благодарения	107
Узлы луны	111
Падает снег	117
Правда о мостах и туннелях	123
Испанское каприччио	129

ПРОСТЫЕ СИНИЕ ЛЮДИ

Удобно расположившись к креслу, он наблюдал за тем, как она точно выверенными движениями наносит на лицо косметику. Она то склонялась к своим рукам, то, что-то там захватив, с поднятыми бровями подавалась вперед, к зеркалу.

– Ты так внимательно за мной наблюдаешь...

– Твои движения просто завораживают.

– Не понимаю, как ты мог не жениться. Хотя бы один раз. Имел бы удовольствие наблюдать каждый день. Помнится, в школе ты многим девицам нравился. А уж учителя, по-моему, в тебе души не чаяли. Как же так могло случиться...

– Вспомнила! Уже тридцать с хвостиком, как мы окончили школу. Трудно поверить. Кстати, о женитьбе. Твой муж пойдет с нами? У него, кажется, свое мнение на этот счет.

– Спроси его. Он у себя наверху. Я думаю, что не пойдет. Он не любит эти нью-йоркско-русские сборища. Теперь, кажется, это называется тусовки. Я бы тоже не пошла. Иду ради тебя, тебе как московскому гостю это будет любопытно.

– Ценю твою самоотверженность. И гостеприимство. А писатель-то, который будет читать свое произведение, талантливый?

– На мой взгляд, бездарный. Но самомнение... Впрочем, может, я ошибаюсь: многим он по вкусу, а старушки его просто обожают.

– А ты сама почему бросила писать стихи? У тебя-то очень хорошо получалось. Помню, в Москве тебя даже кто-то из маститых хвалил.

– Я считаю, что талант должен быть безусловным. Или он есть, или нет. А все эти потуги... Тешить свое тщеславие? К чему? Я очень строго к этому отношусь. Если нет большого таланта, иди в бухгалтеры, словом, займись делом.

– Да, ты строга. Но, позвольте, мадам, с вами не согласиться. Ничего нет на свете лучше творчества, вдохновения. А результат... Что ж, пусть судят потом, но сам процесс прекрасен, по-моему. Знаешь, ведь еще может и так случиться, как сказал

какой-то великий, не помню, кто: я ничего не сделал, ибо всегда стремился сделать больше обыкновенного. А, помнишь, когда мы проходили «Войну и мир», все хором решили, что ты похожа на Наташу Ростову?

— Еще бы! Достали меня с этим сходством. Даже бабули на скамейках у подъезда, и те туда же, хотя и романа-то, наверно, не читали. А, кстати, они все так и сидят? Или при капитализме они нашли более достойные занятия?

— Послушай, а мы не опоздаем?

— Нет, это же не в оперу. Так, домашнее чтение. И я уже готова. Теперь ухаживай за мной: распахивай передо мной двери, забрасывай цветами, что там еще...

— Согласен.

Дом, в котором должно было проходить чтение, был огромен. В большом зале красивая мебель, картины, цветы. Несколько составленных вместе столов образовывали ромб, в середине которого было подобие фонтана с шампанским, а по периметру — разнообразные закуски, тоже не без фантазии сервированные. Толпа нарядная, оживленная. В ожидании начала все собрались в группы по двое-трое. Он улавливал обрывки русской и английской речи и с интересом все разглядывал.

— А где сам писатель?

— Наверное, уже здесь. Вон, видишь, его жена с бокалом в руке у стола.

Писатель был уже, действительно, здесь. Но он любил перед выступлением побыть один, сосредоточиться. Поскольку дом ему был незнаком, — зачастую вечера устраивались в разных домах, — он отправился на поиски пустой комнаты, пока его не успели задержать разговорами. Дом был огромный, комнат в доме было предостаточно, и он без труда нашел пустую. Правда, там почему-то работал телевизор. Подойдя ближе, он понял причину. На диване, укрытая толстым пледом так, что торчала только ее светлая макушка, сидела маленькая девочка и смотрела свой мультик. Когда писатель вошел, она даже не прореагировала. «Вот и хорошо, — подумал он, — может быть, общение с чистой детской душой перед выступлением гораздо плодотворнее, чем одиночество». Он полагал, что общаться с любым ребенком ему легко и приятно в силу родственности их душ. Хотя никакая объективная реальность этого не подтверждала. Его собственная дочь как-то быстро выросла, главным образом, как ему ка-

залось, в машине, пока он молча возил ее из школы на балет, с балета на плавание. Теперь она жила далеко, в другом штате.

Он осторожно присел на краешек дивана. Девочка не шевельнулась. Он не был уверен, говорит ли она по-русски и решил бросить пробный камешек. Он спросил ее имя. Девочка, все так же не отрываясь от экрана, сообщила ему свое имя, адрес, возраст и добавила, что она еще не решила, кем будет, когда вырастет. Тогда он спросил о сестренках-братишках. Девочка ответила. Он еще мог спросить о делах в школе, но, учитывая ее юный возраст, это было не актуально. Он не знал, что еще сказать. Он иссяк. Но девочка этого не знала и осторожно заметила, что она вообще-то не любит говорить с дядями. Исключения составляли папа и Дед Мороз. Это была полная отставка. Он испытывал страшную неловкость и почему-то обиду. Теперь ему хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его здесь и пожурил ласково: нет, вы только посмотрите на него! Ему выступать, его все ждут, а он... Ну прямо ребенок! Большой ребенок! И после этого увели бы его отсюда. Но его никто не звал. А встать и уйти он почему-то не решался. Не зная, что предпринять, он стал смотреть мультик вместе с девочкой. Но совершенно не мог понять, что там происходит. Вместо привычных кошек и собак, зайцев и волков – добра и зла – на экране действовали какие-то плоские синие люди, и было непонятно носителями какой нравственной категории они являются. Настроение у писателя было какое-то странное, он не мог понять в чем дело. Начисто исчезла такая обычная перед выступлением приподнятость, которую он очень любил в себе. Исчезло ожидание праздника. Тут, к великой своей радости, он услышал голос хозяйки дома, объявляющей начало. Он занял свое место за столиком. Публика уже сидела в ожидании.

Читая, он, по своему обыкновению, поглядывал в зал. Он опять увидел эту черноглазую даму, которая была в прошлый раз. Имея тонкое писательское зрение, – как он сам полагал, – он находил в ней сходство с толстовской героиней и мысленно называл ее Наташей Ростово́й. И ироничное выражение ее лица, как и в прошлый раз, задело его. Она склонилась к своему спутнику и что-то насмешливо ему шептала. Писатель читал, и непонятное раздражение его росло. И даже старушки – его золотой фонд – казались сегодня менее восторженными. «Тоже мне судья, – читая машинально, думал он, – знала бы ты, что такое творчество, какие это муки! Ты, наверняка, не написавшая в своей жизни ни одной строчки, кроме глупых писем какой-нибудь

глупой подруге. Вольно же тебе зубоскалить. Имя таким, как ты, – толпа!»». Все это он мысленно адресовал этой даме – Наташе Ростовой. Продолжая чтение, он теперь даже не желал взглянуть в ее сторону. Кстати, в прошлый раз она была с другим кавалером. Все ясно с этой эн Ростовой!

После выступления, как всегда, его окружили, задавали вопросы, но у него исчез былой энтузиазм, а главное – уверенность. Отвечал он вяло и все смотрел по сторонам и вдруг далеко, у самых дверей, заметил ту девочку, ту, с которой смотрел мультик до своего выступления. Не зная сам зачем, он, неучтиво бросив окружавших его поклонниц, стал проталкиваться к выходу, не спуская глаз с девочки. Она в это время, отдав папе шарфик и куклу, пыталась надеть курточку и все не попадала в рукав. Наконец у нее получилось, и она – фокус-покус – вытащила из рукава еще и шапочку. В этот момент писатель протиснулся сквозь толпу и присел перед ней на корточки.

– Скажи, – начал он, почему-то очень волнуясь, – скажи, вот эти люди в мультике, они хорошие или плохие?

Девочка все еще была занята своими вещичками: шапку она уронила, теперь запуталась в шарфике. Он быстро поднял шапку и подал ей.

– Эти люди, ну, в мультике, они... какие?

Девочка наконец подняла на него глаза, будто только что заметив. Она втянула голову в плечи и развела руками:

– Просто синие люди.

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Уже почти полгода прошло после свадьбы, после того, как все его вещи переехали на новую квартиру, к жене. А он все забегал к родителям то за фотографией, то за книгой, то просто поговорить. Но не только: каждый раз он надеялся встретить соседку, сказать ей какие-то добрые слова, что ли. Он не видел ее, ну... после Марины. И неясное чувство вины перед ней мучило его.

Стояла душливая жара, какая не часто бывает в их северном городе. Родители были на даче. Он открыл дверь своим ключом. В квартире было совсем тихо, хотя соседка была дома: в прихожей на столике стояла ее допотопная сумка. Он налил себе стакан воды, положил туда лед, открыл окна и уселся на полу разбирать альбом с фотографиями. Невольно он прислушивался к шорохам в квартире: не выйдет ли соседка из своего укрытия. Мать говорила, что Эльвина последнее время редко покидает свою комнату. Стучаться к ней было непринято. Ему сейчас как раз очень бы хотелось побывать у нее: посмотреть на эту фотографию, где молодая еще Эльвина вместе со своим Испытателем. Видимо, фотограф попросил ее смотреть все-таки в объектив, иначе она бы так и не отрывала взгляда от своего Испытателя. Но если нельзя смотреть на него, то хотя бы склонить голову к его плечу. Вот так. Навсегда.

«В молодости Эльвина была красавицей», – так мать зачинала свою сагу об их единственной соседке по коммуналке какому-нибудь новичку, еще не слышавшему печальную историю жизни Эльвины. «М-да, красавица. Пусть это остается на совести или вкусе матери. Это с ее-то ростом – чуть выше стола. На фото этом она так себе, ничего. Хотя, надо заметить, что раньше ведь не так все было. К фотографу шли принарядившись, и сам он был профессионал. А еще раньше, когда фотография только появилась, это было событие. Ехали на Кузнецкий сниматься к Фишеру. А в Петербурге цвел Булла. А теперь какая-нибудь лохматая наядя высунется из воды, вовсе не желая, чтобы ее снимали, а на берегу ее дружок с классным аппаратом: р-раз и фото гото-

во». В детстве они с братом пропускали эту часть материнского рассказа. Зная эту сагу наизусть, они ждали «твердого камня» и «лимона», чтобы от долго сдерживаемого смеха за столом при гостях было уже невмочь, чтобы мать проговорила, не меняя трагического тона, которым повествовала: «Вон из-за стола. Оба». И они с краской стыда на лицах, делая при этом ртом непринужденно неприличные звуки, так что крошки разлетались веером, с грохотом отодвигали стулья и убегали к себе. Там они давали волю застрявшему в горле смеху. Если было слишком шумно, мать, оставив на минуту гостей, заходила к ним со словами: «два маленьких бездушных паршивца». «Вообще, – размышляли они с братом, – если на каждую семью положено какое-то чувство смешного, то оно все ушло на них. Немного досталось отцу. Матери же не досталось совсем ничего». Да, в детстве они пропускали «красавицу», а подростком брат при этих словах саркастически поднимал одну бровь, как только он один умел в их семье. Хотя они с братом были похожи, сам он так не умел, видимо, у брата на лице работала другая группа мышц.

«В двадцать лет Эльвина осталась круглой сиротой, – продолжала мать свой рассказ, всегда одними, раз и навсегда заученными словами, – вскоре она вышла замуж. Муж ее был испытателем подводных лодок. В один прекрасный день он ушел на испытания из этой нашей общей квартиры и не вернулся. Трагическую весть о гибели мужа Эльвина получила в тот момент, когда пила на кухне чай с лимоном». В детстве они бессознательно хохотали над этим «лимоном», а позднее, брат частенько изгалялся над матерью: «А скажите, уважаемая, какова, собственно, в этой трагической ситуации роль лимона?».

«Эльвина превратилась в твердый камень». «Мама, это свойство камня – быть твердым! Зачем уточнять?». Не обращая внимания, мать продолжала: «...твердый камень. А через пять месяцев родилась Марина». И кульминация саги: «Со дня рождения Марина умственно не развивалась». И гости в этом месте обычно восклицали: «Какая страшная судьба! Какое несправедливое распределение – столько горя одному человеку!». А мать привычно продолжала: «такие дети живут максимум до двенадцати лет. Поскольку родственники мужа от нее отвернулись, у Эльвины были только мы. Это было еще до рождения моих сыновей. Приходил доктор, просил нас убедить Эльвину отдать девочку куда полагается в таких случаях. Я не смогла пойти на такой разговор, – продолжала мать, – пошел Павел Андреевич».

Отец деликатно изложил то, что сказал доктор: «еще молодая... устроить свою жизнь... навещать, заботиться».

Кротко, по своему обыкновению, опустив глаза, Эльвина произнесла твердо: «Вам, Павел Андреевич, надлежит сейчас же покинуть этот дом и больше никогда в него не входить». Как будто надо было покинуть, как минимум, родовое имение, а не убогую комнату в коммуналке. Шаг – и ты уже вне этого «дома». «Отец стоял как громом пораженный, ничего не понимая, – рассказывала далее мать. – Потом наконец понял и покинул». Изгнав отца, Эльвина все-таки водила дружбу с матерью. И она, заходя к соседке, изредка брала с собой сыновей. «Маришенька, – пела тогда Эльвина, – к тебе мальчики пришли, гости». А они оба, еще не умея скрывать своих чувств, прижимаясь к матери, во все глаза глядели на сидевшую в высоком кресле огромную матрону – девочку всего на шесть и четыре года старше их, сплошь седую, внушающую им любопытство и ужас.

Шести лет брат отличился, нарушив все увещевания матери перед походом к Эльвине:

– А почему ваша Марина никогда не разговаривает?

Мать было дернулась к удобно расположенному на стриженной голове уху сына, но поздно...

– Это оттого, – отвечала Эльвина, – что ты иногда шалишь, а Марина очень послушная девочка.

– Хорошо, – не унимался брат, – вот я выйду за дверь, вы с ней поговорите, а я послушаю.

Мать тут же вспомнила про уют, оставленный случайно, и вывела их за дверь. А уж дома брату припомнилось все. А главное, что Сережа Леонтьев никогда бы... Они с братом в глаза не видели этого Сережу Леонтьева, но все о нем знали: Сережа Леонтьев был сыном маминых сослуживцев от первого брака. За всю свою жизнь Сережа Леонтьев ни разу не укусил своего брата. К тому же, если Сережу Леонтьева разбудить среди ночи, он расскажет стихотворение Пушкина и назубок таблицу умножения. А откуда берутся такие дети, как у нее, мама не знала. Лет двенадцати брат попытался ей объяснить, но получил такую затрепину, что дальнейшие попытки прекратил.

Жарко было невыносимо. Он закрыл окно и отправился на кухню налить еще воды. Ему пришла в голову блестящая идея – принять холодный душ. После душа стало немного легче, и он опять принялся за альбом. В квартире было тихо.

Вот старые снимки: они с братом на даче, а родители еще молодые. А эти уже новые, последние. Брат со своей семьей. К своей семье брат пришел постепенно, через отрицание. Сначала он полностью отрицал брак. «Что может быть глупее брака?», – проповедовал он. Мнение свое он изменил, встретив студентку из Нижнего Тагила. Родители были в ужасе от такого выбора. Свадьба, однако, состоялась. «Иметь таких идиотов, какими были мы, – никогда!». Но пришла весть, и он тут же решил, что это даже хорошо, будет учить сына боксу, ведь надо же передать кому-то навыки. Будет расти настоящий мужик. У брата был разряд по боксу. Родилась, конечно, дочь. Но брат не сдавался, пытаясь обучить боксу двухлетнюю дочку. «Как ваша доченька?», – спрашивали у него. «Доченька! – брат улыбался саркастически. – Да это же мужик!». Выносили на руках «мужика» – крохотную заспанную девочку с плюшевым мишкой в руках. Брат смирился. Дочь он обожал. Просто пришлось слегка переориентировать интересы – с бокса на танцы.

Что бы он мог сказать теперь Эльвине? Что они были в детстве дураки. И смеялись над ней, вернее, над рассказом матери.

Он подбирал слова утешения, добрые слова. Когда умерла Марина, он был в свадебном путешествии, с тех пор соседку не видел. «Такие дети при хорошем уходе могут дожить до двенадцати лет», – сказал когда-то доктор. Благодаря ежедневному подвигу Эльвины, Марина дожила до двадцати, тридцати, почти до сорока.

Вода была выпита, в стакане остался только лед. Нет, надо налить в какую-то другую посудину, побольше. И он отправился на кухню. Шел, высыпая льдинки из стакана прямо в рот. И вдруг застыл в дверях: там, у плиты спиной к нему, помешивая что-то в кастрюльке, стояла Эльвина. Старая Маринина кофта выглядела на ней как пальто, подпоясанное военным ремнем. Белокурые волосы, – совсем уже седые, – были схвачены на макушке аптечной резинкой.

Он кашлянул. Она обернулась.

– Это вы? А я думала, ваши вернулись с дачи так рано.

Он не знал, что сказать ей, все подбирая нужные слова.

– Вот пришел забрать кое-какие фотографии.

– А как вам живется на новом месте? Далеко забрались?

– Да нет, тут рядом. У Елисеевского.

– Да, недалеко. Это хорошо. Я вот не была на вашей свадьбе и сейчас хотела бы пожелать вам счастья. Я знаю, это слово уже потеряло свое значение, настолько оно затерто. Но именно счастье я имею в виду. Жизнь так редко отмечает людей чувством счастья.

Теперь ему показалось, что он наконец нашел эти добрые слова, слова утешения:

– А вы, Эльвина...

– Да, – перебила она, кротко опустив глаза, – я одна из тех немногих, отмеченных.

И ПАРХОД ВДАЛЕКЕ

Днем краски моря и неба не сливались. Небо было необыкновенной синевы, итальянское небо. Море же другого оттенка, с вкраплениями бирюзы. Точно серьги у тети Лизы. «Если тот, кто создавал этот мир, – думала она, совершенно забывая о своем собеседнике, – приглашал для работы серьезных художников, то Италию, конечно же, создавали дети. Такой ребенок, наваливаясь на стол и заведя в сторону кончик языка, все обмакивал и обмакивал кисточку в синюю краску – небо. И, склонив голову набок, любовался и решал: нет, недостаточно. И еще добавлял краски, пока небо не становилось ярко-синим. Точно так же ребенок изобразил итальянскую зелень, черепицу крыш».

– Да, Бруно, я слушаю, – возвращалась она к своему собеседнику.

– Мама: Бруно, скуола! – продолжал он, не притрагиваясь к рыбе, причудливо выложенной на большом блюде услужливым официантом, привычно-любовно глядя на море и вдали белый пароход, словно белый утюжок на синем атласе.

– Мама: Бруно, скуола! Бруно: но скуола! Бруно андарэ ин марэ! Капито?

Да все понятно, Бруно. Скуола – это наша школа. Как и французская эколь или английская скул, испанская эскуэла. Туда же, наверно, и слово схоластика. А марэ, конечно, море. Я ведь образованная, Бруно. Видишь, какое у меня богатство ассоциаций. Просто мы говорим на разных языках. А ты, Бруно, прогульщик и плут! И рассказ твой так и ложится на казенный газетный язык.

«Еще мальчишкой Бруно полюбил море. Море стало его мечтой. Утром мама провожала его в школу, они расставались на перекрестке, и он, подождав, когда она скроется за поворотом, бежал к морю. Как хорошо мечталось у воды! Мальчишка вырос и не изменил своей мечте: он стал водопроводчиком...» и так далее.

– Манжа, манжа, манжарэ, – напоминает ей Бруно и крутит рукой у рта, мол, ешь.

Да я ем, Бруно, ем. Съем все, ты только отвернись. У нас в ресторанах не подают такую рыбу, да еще на воздухе, да еще в придачу с белозубой улыбкой. В моем городе не море, а река и свинцовые воды, одетые в гранит. Бледное небо, частые дожди. Другая эстетика. Но спасибо, что ты пригласил меня сюда, ведь мы едва знакомы.

– Манжарэ, – опять напоминает он.

– Си, синьор-помидор, я ем. Просто хрупкому северному цветку не пристало рубать, как матросу.

– Перкэ помodoro?

Нет, это я так, я не хочу помидоров, не вздумай заказывать. Вон, смотри, местные смуглые девушки в летних платьях, пробегая мимо, что-то кричат. Наверное, идем с нами, Бруно! Иди же. Или не творится мечта из подручного материала? Я же проездом. Транзитом. В Америку еду. Знаешь: па-па, американо, л-американо, л-американо, виски и сода, ла-ла-ла.

Они молчат. Вместе смотрят на исчезающий из виду белый пароход. «А там жизнь, – думает она, – что-то такое из фильма. В трюме, в самом низу, жара и кухонный чад, гора немых вафельных полотенец. И старший стюард говорит мальчишке-помощнику: “Я тебя предупреждал, Чарли”. И мальчишка пятится, моргая круглыми глазами, пятится. А потом бежит и, приставив локоть к стене, втихомолку глотает горькие слезы. А ты, Бруно, видишь только белый пароход. Так и проживешь. Счастливо. Будешь ли ты вспоминать меня? Или, как говорят у нас, от Ростова до Бологого буду я вспоминать тебя».

Спускается вечер, меняются краски неба и моря. Бруно провожает своего напарника на автобусную остановку. Напарник спешит к своей семье. Он не местный: он живет в Риме. Сорок минут на автобусе от этого городка, места его работы. Бруно передаст через него гостинцы своему старшему сыну, который учится в Риме. Молодежь здесь не задерживается.

– Сезон начался, – говорит напарник, а туристов и курортников что-то маловато.

– Да, – подтверждает Бруно, – у нас каждый год так. Наплыв небольшой. Но вот несколько лет подряд и у нас было столпотворение. Веришь ли, люди не могли снять квартиру. Давно, правда, это было. Больше двадцати лет назад. Я тогда молодой был, не очень понимал, что происходит. А это была большая эмиграция в Америку. Италия же была для этих людей перевалочным пунк-

ктом, пока они ждали визу. Я тогда разговорился с одной... Разговорился, – Бруно смеется, – как же! ведь общего языка у нас не было, но она как-то все понимала.

Напарник смотрит на него пристально:

– А дальше что?

– Ничего. Посмеивалась она надо мной, смотрела так снисходительно... Думала, что все на свете знает, а снимет очки – глаза растерянные...

– А дальше? – не отстает напарник.

– А дальше... пришла виза, она уехала. Где-то далеко сейчас.

– Ну-у, – разочарованно тянет напарник, – уехала! Чего вспоминать-то.

Он внимательно всматривается в лицо друга.

– Постой, Бруно, а может, это было в твоей жизни, ну, вот самое-самое, а?

Бруно молчит, отвернувшись. И вдруг поворачивается, вытянув шею, вглядываясь вдаль поверх плеча друга.

– Автобус твой едет! Пора тебе. Привет моему старшенькому. До понедельника. Чао!

МИДА КЕНЕГЕД МИДА

Крупными мокрыми хлопьями шел снег, и сигарета, которую он собирался прикурить, размокла в его руке. Он швырнул ее в снег и опять, – который раз за это утро, – подумал, что затея, стоившая ему бессонной ночи, бессмысленна и нелепа. На мобильнике было ровно десять утра. И, больше не давая себе времени на раздумье, он взбежал по каменным ступеням и толкнул тяжелую дверь. Гулкая тишина и полумрак большого зала встретили его. Он растерялся, обводя глазами зал, высокий его потолок. «Уйти, убежать», – пронеслось в голове. Но тут из-за боковой конторки, которая была не сразу заметна, вышел человек и направился к нему. Голова этого человека была наклонена набок, ладони свои он держал под подбородком, и издалека казалось, что он несет свою голову. Вельветовые брюки и вязаная кофта болтались на его тщедушном теле. Поравнявшись с ним, незнакомец этот, ничего не говоря, взглянул вопросительно. Посетитель вдруг почувствовал страшную неловкость, все домашние заготовки бессонной ночи вылетели у него из головы.

– Мне бы... к раввину, – начал он, – по личному делу... поговорить.

Станный этот человек сделал неопределенный жест, вроде, подождать, и засеменил вглубь зала. А посетитель так и остался на месте, судорожно вспоминая, как же обращаться к раввину. Он никогда прежде не бывал в синагоге, да и в церкви-то бывал всего несколько раз: затащили друзья на какие-то праздники. Он быстро перебирал в уме известные ему анекдоты, где есть обращение к раввину, но ответа так и не нашел. Внезапно этот, несущий свою голову, появился в конце зала и сделал ему знак. И он пошел к этому незнакомцу, отчетливо слыша гул своих шагов. Вместе они зашли в маленькую комнату, где сбоку за столом сидел сухонький старик.

«Ну и гербарий здесь у них», – подумал посетитель.

– Ребе, – обратился несущий голову к раввину, при этом глядя не на старика, а на пришедшего с ним, будто подсказывая, как надо обращаться к раввину, – Ребе, у вас посетитель.

И вышел, оставив их наедине. Старик сидел молча, и было непонятно, то ли он дремлет, то ли разглядывает свои ладони. Наконец неуловимым движением руки старик показал на стул слева от себя.

– Ребе, – проговорил посетитель, испытывая неловкость и неестественность самого обращения и ситуации в целом, – я ничего не знаю о вашей религии. Я неверующий, православный, ну... по рождению...

«Тут бы надо, – подумал он с привычной иронией, – рвануть рубаху на груди».

– Я не знаю, есть ли в вашей религии такое понятие как снятие проклятия. Я пришел спросить, потому что, мне кажется, ваш бог мстит мне, и я бы хотел...

Тут старик впервые поднял голову, и он поразился ясности его взгляда, небесной голубой влаге его глаз на сухом пергаментном лице.

– Всевышний не играет в хоккей (он произнес «хоккей»), у Него нет ваших и наших. Всевышний никому не мстит.

Старик опять опустил глаза, помолчал и добавил:

– Я слушаю.

И он, уже не останавливаясь, чтобы поскорее покончить с этим делом, поначалу сильно сбиваясь, начал свой рассказ.

– Много лет назад, то есть несколько лет назад, когда я был на последнем курсе университета, в силу некоторых обстоятельств я сильно нуждался. Тут не место объяснять... Я постоянно думал о заработке. Однажды после лекции в коридоре я поднял с пола кольцо. Оно было тяжеленькое, явно золотое, старинного вида. С женской руки. Найти хозяйку кольца было проще простого: достаточно было объявить о находке в аудитории на следующий день. Но я этого не сделал. В тот же вечер отнес кольцо в скупку и получил за него такую сумму, на которую совсем не рассчитывал. На другой день, явившись на лекции, я сразу же пожалел о содеянном. Дело в том, что у нас в параллельной группе училась одна студентка, которая недавно вышла замуж. Буквально на другой день после свадьбы муж ее попал в страшную аварию и уже несколько месяцев находился в больнице, не приходя в сознание. Это было ее обручальное кольцо. Весь университет уже знал о пропаже, поскольку она, эта девушка, как будто обезумела, потеряв кольцо. Она кричала, что потеряв кольцо, убила его... и всякий такой вздор. Подруги насилили ее домой. Она была

в ужасном состоянии. Я хотел заполучить кольцо обратно, но в скупке его уже не было. По крайней мере, мне так сказали. Потихоньку эта история стала забываться: мы готовились к диплому. Уже работая, я встретил своего сокурсника, который рассказал мне о дальнейшей судьбе девушки. Парень этот, ее муж, чудом выжил, окончательно поправился, и они благополучно уехали в Израиль на постоянное жительство. Там они, по слухам, стали религиозными. Я был за них искренне рад, гора свалилась с моих плеч... Но с тех пор меня стали преследовать неудачи. Глупые, на ровном месте, иррациональные, словно кто-то подстраивает их. Про мелкие даже не хочу упоминать... Но вот встретила мне замечательная девушка, любовь моей жизни, – голос его дрогнул, и он замолчал.

Молчал и старик. С минуту они сидели в абсолютной тишине. Затем посетитель взял себя в руки и снова заговорил:

– Мы решили пожениться, а перед самой свадьбой она вдруг передумала без всякой видимой причины. Теперь избегает меня. Объясниться она тоже не желает. И мне кажется, что это как-то связано с этим кольцом. Проклятие, что ли...

Он замолчал, почувствовав приступ знакомой боли. Старик тоже молчал, все еще разглядывая свои руки, затем поднял голову. И он опять поразился ясности его взгляда.

– Мида кенегед мида, – внятно сказал старик.

– Простите, я не понял, – произнес посетитель, и непонятое раздражение вдруг охватило его.

Старик между тем потянулся к низкой полочке над столом, достал два одинаковых больших бокала красного стекла и поставил их один против другого. Он с нарастающим раздражением следил за стариком.

– Мида кенегед мида, – опять произнес старик. – Мера за меру.

Он сначала не понял... И вдруг раздражение его прорвалось непомерным гневом.

– Как?! – почти закричал он, как будто наконец нашел виновника всех своих несчастий, – Как? Это у Него такая мера? Это, по-вашему, справедливая мера? Пусть я присвоил, пусть украл... Так пусть украдут у меня! Пусть вынесут все! Я сам открою дверь... Из-за кольца... всю мою жизнь...

Обессиленный, чуть не плача, он опустился на стул.

Теперь заговорил старик:

– Если из вашего дома вынесут телевизор (он произнес тэлэ-визор), вы почувствуете такую боль, какую чувствуете сейчас?

Старик помолчал. Затем опять заговорил, но так тихо, что слова его были едва различимы:

– Вы не кольцо украли, вы украли надежду, причинив человеку страшную боль. И это главная цена, которую вы должны заплатить.

– Я заплатил... – буркнул он, чувствуя, что приступ гнева проходит, но он не желал его отпускать.

– Прощение – великая вещь. Прощение творит чудеса.

– Но вы меня не поняли: я же сказал, что она уехала далеко, в Израиль. Что же мне теперь мотаться за ней по всему свету в поисках прощения? – Гнев его сменился горькой иронией.

– Да, вы опоздали с просьбой о прощении. О прямом прощении у человека. Но у Творца нет расстояний, нет у Него и времени... Даже наедине с собой говорите, расскажите всю правду, молитесь о прощении и тогда...

– И тогда, – не сдавался он, – Всевышний пришлет мне сообщение по электронной почте, что я прощен. Так? А иначе, как я узнаю...

– Творец разговаривает с нами обстоятельствами нашей жизни. По изменившимся обстоятельствам вы поймете...

Он встал. Надо было уходить. Он не знал, что сказать раввину: спасибо, до свидания, привет. Не найдя нужных слов, он вышел, осторожно прикрыв дверь. Он опять шел по длинному залу, в конце которого сидел его проводник, несущий свою голову. Поравнявшись с его конторкой и так и не найдя нужных слов, он неопределенно кивнул и вышел. Все так же шел снег, и он невольно зажмурился от этой белизны после сумрака, в котором он провел... сколько времени? На часах было десять сорок. Сорок минут? Ему показалось, что он вечность отсутствовал в этом мире. Хотелось курить. Он встал под козырек ближайшего подъезда.

«По изменившимся обстоятельствам...» – вдруг пронеслось у него в голове. Он отвернулся от ветра, достал сигарету и с удовольствием закурил.

САД ЗАКРЫТ НА ПРОСУШКУ

В семь часов ушел последний пациент. Последний в этом году. Теперь он сидел в кабинете почти в темноте: он любил эти минуты в конце рабочего дня после приема. В кабинет заглянула его ассистентка.

— Все готово, доктор, чтобы начать первый день в новом году. Оба кресла я приготовила.

— А кто будет у нас первым пациентом в новом году, Николь?

— Мистер Вест.

— Чарли?

— Нет, молодой Вест. Кевин. Удаление зубов мудрости. Решился сразу на два.

— Мудро. Сразу и войдем в ритм.

— Да, доктор, спасибо за подарки. Майки будет в восторге от этой машинки. А я всегда мечтала о таких перчатках. Спасибо.

— Очень рад. Еще раз с Новым годом! Целуй Майки, кланяйся мужу.

Она не уходила. Опять эта недоговоренность. Она как будто хотела сказать: может быть, в этом году, наконец, ты одумаешься, забудешь эту странную девицу, женишься и следующий год тебе не придется встречать одному, как все эти десять лет, с тех пор как...

Она медлила.

— А вы, доктор? — все-таки спросила она, показывая всем видом, как она жалеет его, как хочет сказать что-то ободряющее.

— Я еще побуду немного. С Новым годом!

Ассистентка вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Он слышал, как отъехала ее машина. Повезло ему с Николь. Толковая, всегда можно во всем на нее положиться. А главное — Николь видела ее, знает всю его историю и правильно понимает. Уверен, что и дома у нее все в полном порядке, уже все готово к встрече Нового года. Впрочем, у него тоже. По раз заведенному сценарию он вернется домой и сразу начнет готовить этот салат, кото-

рый занимает уйму времени. Это будет его десятый новогодний салат. Юбилейный. Она, эта «странная девица», как называет ее почему-то Николь, тогда приготовила это блюдо для него. И так этот салат ему понравился, что он был готов сразу все съесть. Но предусмотрительно оставил немного и утром, когда она еще спала, разобрал салат на ингредиенты и аккуратно все записал. Это был странный салат: кажется, там была добрая половина известных ему продуктов. Картошка, огурцы, яйца. Тогда это был их первый совместный Новый год. Теперь он мог с трудом припомнить то мероприятие, на котором он ее встретил. Что-то благотворительное, куда он попал случайно. Он был еще только начинающий стоматолог, никого не знал в этом мире. Он подошел к какой-то незнакомой группе молодых людей и сразу увидел ее. Ему показалось, что они знакомы или, по крайней мере, он видел ее раньше. Но когда она заговорила с каким-то резким, незнакомым акцентом, понял, что видит ее впервые. И в то же время было ощущение, что он ее знает. Непривычное ощущение. Позднее его друг, сведущий во всяких мистических делах, выразил уверенность, что они, видимо, были близкими людьми в прошлых воплощениях. И не обязательно здесь, в Чикаго. Так это или нет он не знал, но сразу понял, что она должна быть с ним. Она жила где-то очень далеко со своей подругой и попала на этот благотворительный вечер совсем случайно. Вскоре она почти совсем переехала к нему. Почти, потому что так и не перевезла свои вещи, и иногда все-таки оставалась ненадолго там, «у себя». Он мало знал о ней: как она попала в Чикаго, что собирается делать, где ее семья. Он знал только, что скоро-скоро она станет миссис Стоун, а остальное неважно. Она часто рассказывала ему о своем родном городе. Теперь-то он мог с закрытыми глазами пройти по этому городу, хотя никогда там и не бывал. Может, когда-нибудь... «В моем городе, – говорила она, – есть прекрасный сад с белыми статуями. Этот сад называется Летний. Великолепный дворец с множеством картин, роскошных вещей. Дворец-музей называется Зимний. В городе протекают реки и каналы. Есть крепость. Из европейских городов, – рассуждала она, – он походит сразу и на Париж и на Венецию. Но намного лучше. Если хочешь, поедem туда вместе. Или в Париж. Или в Венецию». «Но это так далеко, надо же иметь много времени в распоряжении, а я только недавно начал практику и не могу оставить пациентов». «Так давай поедem на пару дней», – не сдавалась она. «Как это на пару дней? Так никто не ездит. Это безот-

ветственно. Так жить нельзя». «Только так и нужно» - был ответ. «Да как же, - доказывал он правоту своей позиции в жизни, - чем я объясню свое отсутствие?». «Чем? Да мало ли.. У стоматолога стоматологические проблемы. Ушел к стоматологу. Сломалась бор-машина. Подумаешь! Напиши на дверях, что хочешь, это же твоя личная практика. У нас даже целые сады закрывали. Приходишь, а там надпись: “Сад закрыт на просушку”».

Он посмотрел на часы. Девять. Опять эти воспоминания. Пора ехать домой. Но как-то легче сидеть в офисе в этот праздничный вечер. Дома все напоминает тот последний, когда он со своими сюрпризами – сделанным своими руками, но по ее рецепту салатом и кольцом для обручения – ждал ее к девяти, к десяти... Не веря и тогда, когда часы пробили полночь. Она так и не появилась. Никогда.

Он оделся и вышел в свежий морозный вечер. Сел в машину. Включил музыку, чтобы не вспоминать, отвлечься.

– Да, – говорил он ей тогда, – так безответственно жить нельзя.

Она сидела в самом уголке дивана с поджатыми ногами в его полосатой, по ее словам, «стариковской» пижаме, которую обожала.

– Каждый человек, – рассуждала она, жестикулируя, так что длинные рукава пижамы мотались из стороны в сторону, – в какой-то момент должен себя отпустить. Отпустить можно двумя способами – позитивным и негативным.

– Как это? – недоумевал он. – Что ты имеешь в виду?

– Да что же это такое! – вскочила она с дивана. – Все «как это», да «как это»! Ты вообще о жизни думал, рассуждал или только о химических формулах?

Она сердилась, а он не понимал: это в шутку или всерьез.

Трудно стать врачом. Даже дантистом. Хотя в Америке дантистов и называют недоучившимися докторами. Некогда было думать о постороннем.

– Даже сад, как видишь, нуждается в чистке, пересмотре всего. Не так ли и человек? – теперь она, заложив руки за спину расхаживала по квартире с видом лектора. Забавно было наблюдать за ее серьезным лицом. Акцент ее в такие минуты усиливался.

– Одной даме, – продолжала она, вышагивая по комнате, – страстно захотелось курить. А дело было в самолете. Полет про-

должался длительное время, и вот как она решила эту проблему. Пошла в туалет, набросила на сигнальное устройство мокрую салфетку и закурила.

– Да что ты? – не выдержал он, – ведь ее должны были сразу разоблачить.

– Да, ее, конечно, сразу разоблачили, но дело не в этом. Это пример «негативного отпускаания». Понимаешь?

– Приблизительно.

– Приблизительно! – передразнила она и взмахнула длинными рукавами пижамы. – Вот другой пример. В один прекрасный день человек, зная, что потеряет работу и долго не найдет другую, что ставит под удар свою карьеру, вдруг высказывает в лицо измывающемуся над всеми начальнику все, что он о нем думает. Все как есть! Понимаешь разницу в первом и во втором случаях?

– Приблизительно.

– В первом случае чисто эгоистический поступок, а здесь...

– ...а здесь поставил под удар все, что имел ради... тоже эгоистического желания. Не так разве?

– Ради восстановления справедливости, ради других, не только ради себя. Это другое.

Он уже заезжал в гараж. Зашел в дом, включил свет, достал из холодильника нужные продукты. Он сделает салат, откроет бутылку шампанского, зажжет свечи. После двенадцати достанет карту ее города, которую изучил во всех подробностях. Когда-нибудь он обязательно «себя отпустит» – поедет в этот город. Когда-нибудь, может быть.

НЕПРИМИРИМЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

До ее прихода оставалось еще довольно много времени. Может, все-таки, навести порядок. Он обвел взглядом комнату: бесполезно. Комната давно уже превратилась в мастерскую. Всюду холсты, рамы, подрамники, банки с красками, а то и краска без банок. Можно было едва освободить краешек стола, чтобы поесть. А когда она пришла к нему впервые – чуть больше года назад – комната еще хранила свой первозданный вид. «Первозданный», - пошутил он тогда. Она не поняла. Шутку пришлось объяснить: ну как мне ее впервые сдал хозяин. Первозданный. Как всегда от объяснения шутка потеряла всякий смысл, а она рассердилась: что такое веселое тут? Она довольно хорошо знала русский, но при близком общении было заметно, что многое она просто переводит, делая при этом смешные ошибки. Ее родным языком все-таки был английский. Тогда, год назад, хотя комната еще и имела вид человеческого жилья, привела ее, однако, в ужас. Потом, каждый раз бывая здесь, она пыталась навести порядок. Вид застеленной кровати, без единой морщины напоминал ему пионерское лето в лагере. Требования вожатой к заправке кровати были непомерными для него. И он все недоумевал: кому же это надо, чтобы он, наказанный, оставался в палате, когда все шли купаться на речку или за ягодами. Ему казалось это бессмысленным.

Он взял стул, поставил его спинкой к окну и уселся верхом. За окном был вечерний Нью-Йорк. К этому нельзя было привыкнуть. Этот город-монстр, пожиратель людских душ и талантов. Люди несут ему самое лучшее – свой талант, а он разборчив, не все дары ему по вкусу, одним движением может низвести тебя во тьму. Не достоин, не удостоился. Он потянулся и достал с полки карту Штатов. Расправил на колене то место, где был Канзас. От многочисленных сгибов там образовалась дырка. Дыра. И в этой дыре скоро решится его судьба. Судьба его картины. Да он и сам из дыры, почище Канзаса. Маленький городишко, где отец его был бог и царь. Партийный босс. Партейный. Он закрывал глаза и видел красное разгневанное лицо отца. Мысленно он на-

зывал эту картину «Сообщение павшего сына высокородному отцу об отъезде в Америку». Он и раньше видел отца в гневe, когда тот разносил кого-то по телефону, но этот гнев был особенный. В приступе ярости отец почему-то назвал его единственным сыном: мой единственный сын предал меня! Хотя второй его сын, десятиклассник, был тут же рядом и при этой сцене присутствовал. Позднее, когда страсти немного улеглись, они с братом много раз разыгрывали эту сцену и катались по полу от смеха. Художник изображал отца, а брат играл самого себя, вопрошая в драматической манере индийского кино: «Отец! Ты забыл меня?». Вообще у них с братом в обиходе был этот юмор. Конечно, благодаря бабушке. Она обожала индийские фильмы, и, когда они были маленькие, часто брала их с собой в кино. Она сажала внуков по обе стороны от себя и уже не обращала на них внимания. Фильм этот братьям был непонятен и быстро надоедал, и они начинали доставать друг дружку кулаками, при этом толкая ее безжалостно. Она, ничего не замечая, смотрела только на экран, то и дело поднося платок к глазам. «Гопал, Гопал, не покидай меня!» - шептала она вместе с героиней фильма. Когда художник подрос, он отказался сопровождать ее в кино. Но, посмотрев фильм, ей страстно хотелось поделиться увиденным. «Баашк, только не рассказывай», - просил он. «Боже упаси, боже упаси, - соглашалась она скороговоркой и тут же без перехода: — Она-то богатая, а он-то бедный. Ее мать с отцом его не хотят. На лодку ее, значит, загрузили и увозят! А он, бедный, за ними плывет и зовет ее: Зина, Зина!». «Баашк, это же индийский фильм! Какая Зина?». «Ой, и верно, совсем памяти нет. Или Рая...».

Вообще они много смеялись в эти дни перед его отъездом, хотя, - и он это скрывал, — было страшновато пускаться одному в этот неизведанный мир. Мать же долго не могла осознать, что происходит. Не было такого прецедента в их городе.

В районный центр — да, но в Америку... Она плакала, терялась и не верила до последнего. А уже перед самым отъездом сказала то, что смешило его во время полета, а позднее, уже в Нью-Йорке вызывало неизменные слезы: «сынок, с чем же тебе испечь пирожков на дорожку — с капустой, с грибами?». На дорожку. Какой же длинной оказалась эта дорожка. Он никого здесь не знал. Он больше не был сыном большой партийной шишки. Ему становилось страшно, если вдруг в каком-то официальном заведении

представлялось, как вот сейчас тренированно-улыбчивая американская барышня вдруг хихикнет: «А я вас признала, вы же Вадим Сергеича сынок». Он должен доказать, состояться. Сам.

Первым встреченным в Нью-Йорке русским был татарин Марат, обаятельный и верный. Благословенна непогода. Хвала гололеду. Он возвращался домой поздно вечером. От остановки до его дома тротуар превратился в зеркальный каток. Здесь, в Нью-Йорке он стал осторожным: боялся заболеть, упасть. Не имел права. Он совершенно одинок. Кто поможет ему? Размышляя об этом, он поскользнулся и, больно ударив руку, завалился набок. Вечерняя улица огласилась отборными словами неизвестного языка. Чьи-то руки помогли ему подняться, и он не успел опомниться, как услышал: «Сэр, вам повезло, что американские полицейские еще не ознакомились с тонкостями нашего языка. За такие слова... на публике». Это и был Марат. Он отвел его домой и ушел, только убедившись, что его подопечный в порядке.

Они моментально подружились. Полное одиночество художника тому способствовало. Но не только. У них было сходное чувство смешного: вещь довольно редкая. Это Марат впервые привел его в американскую компанию, где сам он, бегло говорящий по-английски, тут же исчез. Здесь Марат был своим. Художник же бродил по огромному пространству, полному людей, не зная куда приткнуться. Позже он узнал, что такое большое жилое пространство называется лофт. В одном углу было так накурено, что дым стоял посередине красивым белым облаком. И на этом облаке, по-балетному склоняясь к своей вытянутой руке, сидела девушка. Вообще-то она сидела на диване и просто наклонилась к собеседнику, но ему показалось, что на облаке. Так в его жизнь вошла Лиз. Но это только так говорится: вошла в жизнь. В реальности это он поначалу безрезультатно пытался войти в ее жизнь. Тщательно подготовленные им «случайные» встречи, часовые простаивания около ее работы, где она учила детей балету с непостижимым для него расписанием, ничто не имело успеха. Даже когда она выходила из студии и твердой балетной походкой шла к своей машине он не всегда решался выйти из своего укрытия. Наконец ему повезло.

В Америке гастролировал московский балет. И, сказав себе – я разорен! – он приобрел два билета. Накануне он ознакомился с популярной брошюрой о балетном искусстве, прихватив пару-тройку имен. Балетное искусство их сблизило. Лиз была дочерью русских эмигрантов с двадцатилетним стажем, бывших

москвичей. Дочь только успела родиться в Москве и в трехмесячном возрасте прибыла за океан.

Все в Лиз восхищало его. Даже странности, которых у нее было немалое количество. Ему нравилось, что в отличие от него, скрывающего от своих родителей все, что только можно скрыть, Лиз была очень близка со своими, постоянно упоминала их в разговоре, называя по-детски маму энд дэди – в одно слово. Его умиляла ее привычка есть. Ее невозможно было пригласить в кафе, угостить. Приходя к нему, она с собой приносила и еду, которая скорее напоминала домашнюю аптечку: пузырьки с витаминами, зерна, сухие водоросли и прочие съестные деликатесы. Она непоколебимо верила в полезность всего этого. Тогда как он не отказался бы от хорошего жаркого. Если был солнечный день, она тут же поднимала сумку или книгу к голове, защищаясь от солнца, и быстро-быстро бежала к машине: солнце вредно. Она не выносила шума. Моментально пересаживалась на другую скамейку, если рядом возились дети. Она впадала в ярость, если он пытался поправить ее ошибки в русском. «Но, Лизи, – миролюбиво говорил он, – я очень благодарен тебе, когда ты замечаешь мои ошибки в английском». «Не сравнивай, – парировала она, – меня учили мои родители, которые образовались в московском университете! А ты где образовался?». Он умолкал. В самом деле, он «образовался» в художественном училище в глубокой провинции. Он вырос в обычной семье с незамысловатым кредо: все как у людей.

Он посмотрел на часы. Как медленно ползет время. Он был страшно голоден, но Лиз запретила ему ужинать без нее: сегодня его день рождения. Она объявила, что в этот вечер сама все принесет, и они поужинают вместе. Он надеялся на китайскую еду. Правда, китайскую она, конечно, не ест. «Бедная Лизи», – сказал он вслух, надеясь вызвать в себе прежний прилив нежности к ней, которую он так оберегал. Но этого не произошло. Он ругал себя последними словами, чуть не плача. Когда, когда же стало меркнуть это чувство? После знакомства с ее родителями? После поездки в горы? Когда?

Еще только семь. Лиз обещала быть в половине восьмого. Она никогда не опаздывала. Целый день он работал без отдыха: не находилась нужная цвет, все его не устраивало. В магазин он не выходил, съел остаток гречневой каши, которой в основном и

питался из-за дешевизны и простоты приготовления. Так недолго и умереть голодной смертью. Еще полчаса.

Да, этот поход к ее родителям... Они уже довольно долго встречались, когда Лиз решила познакомить его с мамой энд дэди. Он очень обрадовался, и не только потому, что давно хотел на них посмотреть. «Но, – признавался он себе, – еще и потому, что ему уже давно хотелось побывать в доме, дома: посидеть за нормальным обеденным столом, поесть домашнюю горячую еду». Всю неделю до назначенных выходных он так волновался, что ему каждую ночь снились странные сны. То видел он своих мать и отца, принарядившихся для похода в кино. Они стоят перед зеркалом, отец выдвинул мать вперед, а сам держит ее за плечи. Отец смеется: «Какая пара! Глянь, сын!». И сын, видя их в зеркале, цедит: «Пара! Оделись как тракторист и доярка на съезд». То видел, как мамой энд дэди, смеясь и запрокинув головы, колотят его палками.

Но Лиз уверила, что ее родители – люди простые, а главное, понимающие. И он немного успокоился. В витрине магазина он давно приглядел огромный пышный торт. Этот торт напоминал ему детство. Очень похожие пекла его тетка Полина, мастерица этого дела. С сильно бьющимся сердцем, держа в руках торт, в назначенный час он был на ступенях их загородного дома. Дверь открыла мама, и он был поражен ее сходством с Лиз: высокая, хрупкая блондинка. И даже волосы, как у дочери, туго стянуты в узел. Они прошли в большую гостиную. Здесь все было белым: стены, мебель. И чистота белая, нежилая, как в музее или больницы палате. Отец Лизи пожал ему руку. Он присел на краешек белого дивана. Мамой и Лиз, весело переговариваясь, накрывали на стол. Он вспомнил как вкусно по всему дому пахло пирогами, грибным супом, когда мать готовила обед. Здесь едой не пахло. Пригласили к столу. Перед всеми поставили большие тарелки, в середине каждой лежал розовый кусочек, не щедро окруженный зелеными стручками. И дэди с видом «ну-с приступим» стал потирать руки. Как будто перед ним поставили, по крайней мере, жареного поросенка. Он старался есть, как они, – медленно, – но все равно опережал. Стручки как-то быстро исчезли. Дэди ел молча, сосредоточенно. Мамой же неустанно задавала разнообразные вопросы: привык ли он к американской жизни, есть ли у него друзья, чего он хочет добиться. Он отвечал, что пока не очень привык и добавил: «Как поется в известной песне – ты покинул берег свой родной, а к другому так и не пристал».

– В известной? – мамы подняла одну бровь и удостоила его долгим взглядом, – и вы часто поете эти известные песни?

– Да нет, – смутился он. И тут же представил себе дом, полный гостей, стол, уставленный блюдами так, что невозможно протиснуть руку между ними. А главное, после нескольких рюмок гости начинают клониться друг к другу... И вот уже нестройные голоса выводят «вот кой-то с го-рачки...».

– Да нет, – отрекся он еще раз, – это так, к слову.

Смутившись, он уронил стручок, не плотно севший на вилку, прямо на белый стол.

– Это ничего, – улыбнулась мамы, и алые пятна стали медленно покрывать ее виски там, где были туго натянуты волосы, спускаться к шее. Точно как у Лиз, когда она сердилась на него, как бывает только у очень белокурых людей.

После чая, – а в этом доме, – после зеленой, без запаха, жидкости, – сидели на диване и беседовали. Принесенного торта он так и не увидел. И опять поразился он неживой чистоте их дома. Беседуя, он представлял, как перед праздниками мать и тетка Полина, подоткнув юбки, скребли, терли, выбивали пыль. И дом дышал, блестел. Пеклись пироги, открывались банки с соленьями. Да, что-то произошло после этой встречи. Что это были за чувства, он не знал, не мог бы их назвать. Чувств вообще больше, чем их названий. Они гораздо более сложные, смешанные, как краски. Какой это цвет? Зеленый? Нет, не совсем. Надо смешать много разных красок, чтобы его получить. И с чувствами то же. Что это было? Чувство обиды и жалости по отношению к своим? Сложное ощущение себя как непринятого ими. Унижение? Превосходство?

А потом еще эта поездка в горы. Он сидел за рулем ее машины. Он лучше знал дорогу. «Ты ведешь машину как-то тяжело, – критиковала Лиз, – как грузин». «Почему же как грузин, Лизи?». «Потому что они целый день грузят, тяжело работают и также тяжело водят машину». «Как грузчик, ты имеешь в виду? Грузин, Лизи, это не то, это национальность такая. Они живут на Кавказе. Но смешно». Она пришла в ярость и всю дорогу потом молчала. Только когда уже подъезжали к последнему светофору, холодно напомнила:

– На том свете налево.

Семь тридцать. Лиз никогда не опаздывала. И, правда, уже были слышны ее шаги по коридору. Он открыл дверь и обнял ее. Она отстранилась: в руках у нее был большой коричневый пакет.

– Ого, – произнес он радостно, – сейчас устроим пир!

Лиз стала доставать из пакета принесенное: сухие водоросли, банка с какой-то пылью...

– Но, Лиз, – произнес он, – я ждал другого, в мой день рождения, я думал...

И плотина прорвалась.

– Ты, – кричала она, – кто, ты думаешь, ты есть? Мамаи энд дэди, когда тебя увидели... Ты никогда ничего не выбьешься!

– Что же увидели мамаи энд дэди, Лиз? – бесцветным голосом произнес он, понимая, что происходит, что-то страшное, непонятное.

Она не успокаивалась, расходясь все больше и больше. А он так и сидел посреди комнаты на стуле, уставившись в пол. Он все понял. Внезапно он все понял: они тоже партийные! И неважно, что их партия не политическая. Это партия вкуса. Это партия определенных понятий во всех областях жизни, – еда, одежда, искусство, – утвердившихся раз и навсегда. И доступа инакомыслящим туда нет. У них свой устав. Как определить их партию одним словом? Непримируемые? Непрошающие? Люди без развития. Если собеседник укажет на их неправоту, у них есть оружие: уйти с гордо поднятой головой, даже не задумываясь, что в этих словах может быть какая-то правда о них. «Да, – вспомнил он, – Лиз говорила, что нет такой силы в мире, которая заставит ее попробовать новый продукт, если она считает его неподходящим, и что-то про одежду, про искусство тоже».

У дверей Лиз поспешно надевала плащ, не попадая в рукав. Натянула перчатку до упора, как рогатку. Казалось, перчатка выстрелит. А он все сидел на стуле посреди комнаты, глядя в пол.

– Я выхожу навсегда! – крикнула она и хлопнула дверью, так что посыпалась штукатурка.

– Ухожу, – тихо проговорил он. – Ухожу навсегда.

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Как всегда перед новым годом в городе было не протолкнуться, повсюду что-то происходило, люди озабоченно спешили, и в этой толчее они опять встретились. Словно само Провидение заботилось о строгой периодичности их встреч. На этот раз она была с девочкой лет трех-четырёх, а он даже и не знал, что она вышла замуж. Взглянув на девочку, он был поражен их сходством, будто это и была сама Нина, которую он всегда знал: тот же серьёзный, без улыбки, взгляд светлых глаз, туго забранные с крутого лба в толстую косу белокурые волосы. А сама Нина в первый момент показалась чужой: челка и сильно подведенные глаза очень ее меняли. А пять лет назад, перед этой встречей, она еще хранила свой характерный облик. Они тогда, помнится, говорили о книгах. Он вдруг заинтересовался литературой эмигрантов, начиная с двадцатых годов. Сколько великолепных русских писателей дала эмиграция, а они мало что знали о них. И, как всегда, и тут у них все совпадало, хотя они так давно не виделись. Она тут же живо откликнулась и назвала и Газданова, и Зайцева, и Иванова. В ее глазах все эти совпадения были большой ценностью, чуть ли не доказательством чего-то. В такие минуты она всегда пристально взглядывала на него, как бы говоря: вот видишь. А для него – напротив – эта общность во вкусах и пристрастиях отбрасывала Нину на прежние позиции интересного собеседника и друга, лишая ее при этом... чего? «Тайны», – усмехался он про себя.

– Да, подтвердила она, – тогда мы говорили о книгах. А теперь чем ты занят? Или кем?

– Не знаю, говорил ли я тебе в прошлый раз, что уже много лет занимаюсь астрологией. Это очень любопытная наука. Я бы даже так ее назвал.

– Неужели, – воскликнула она, – ты во всем разобрался? Я пыталась, но эти градусы, аспекты просто сводят меня с ума. И я забросила эту науку, как ты говоришь.

Тут стоящая рядом с ней дочка молча подняла на нее глаза и стала теребить за руку.

– Нам пора. Если у тебя нет планов, и тебя никто не ждет, приходи к нам на Новый год.

– Планов у меня нет, меня по-прежнему никто не ждет, но я не знаком с твоим мужем и...

– А, вот оно что, – засмеялась она, – растения, животные и мужа как-то не приживаются в моем доме. Так что *don't worry*, приходи.

Они по давней университетской привычке иногда вставляли английские слова.

– У тебя будет большая компания? Я кого-нибудь знаю?

– Да нет, народу будет немного. Мою подругу ты, надеюсь, не забыл. Она будет со своим бывшим поклонником...

– Бывшим? Тогда почему вместе?

– Он упросил ее. Настоял встретить старый год вместе: а в двенадцать он исчезнет, как Золушка с бала, с тем чтобы Новый год она встречала уже без него. Как зарю новой жизни.

– Боже, какие страсти!

– Да страсти, – запальчиво проговорила она, и он хорошо знал этот ее тон. Тебе не понять. У тебя и Кармен благополучно бы вышла на пенсию, и Хозе дожил до глубокой старости. И эту дружную пару нередко бы видели в районной поликлинике.

Девочка опять напомнила о себе, потянув мать за руку. Они простились. Он обещал приехать. Девочка на прощание помахала ему рукой, и он опять поразился ее сходству с прежней Ниной. Он, конечно, не знал ее в таком младенческом возрасте: она появилась в их школе в начале учебного года в седьмом классе. Их тогда временно посадили вместе, но позже, когда началось великое переселение, они, не сговариваясь, молчком, как бы невзначай остались вместе. Они уже обнаружили, что у них много общего: серьезная, не школьная, поэзия, теннис, английский. Он часто бывал у нее дома. У ее родителей была отличная домашняя библиотека. Однажды, – это было уже в конце восьмого класса, – он засиделся у них допоздна, о чем-то, как всегда спорили, спохватились, и Нина пошла проводить его в прихожую. Надо было пройти при этом через гостиную, где в это время сидела Нинина мать с подругой. Та задержала Нину: «Господи, Нина! Как я тебя давно не видела. Какая ты стала, право, красавица!». И все в таком роде. Он стоял поодаль, чувствуя неловкость, а подруга матери медленно перевела взгляд с Нины на него и, бесцеремонно его разглядывая, растягивая слова, произнесла: «А это, наверное, твой мальчик». Он круто повернулся и вышел из комна-

ты. Нина догнала его: «невежливо, ты понимаешь, есть в конце концов какие-то...». Он не слушал. Он не мог объяснить, почему ему стало так неприятно от ее слов. Прежде всего, он – ничей. Он принадлежит себе, и точка. Он медленно стал отстраняться от Нины. Этим навыком отстранения безошибочно владела чуткая его душа. А затем и внешние обстоятельства этому способствовали. Те неподатливые звенья цепи, которые в течение долгого времени пыталась соединить его мать, вдруг срослись, и они оказались в другом районе города в просторной трехкомнатной квартире вместе с его бабушкой, маминой мамой. Само собой получилось, что Нина надолго выпала из его окружения. Когда же, окончив школу, он принес свои документы в университет, то первым встреченным там абитуриентом, оказалась она. Они вместе поступили на английское отделение филфака. И вся их студенческая жизнь шла рядом в дружбе, разрывах и примирениях, откровениях и тайнах. После университета он надолго покинул невские берега. Причин было несколько, но доминировала романтическая. И опять они с Ниной расстались надолго. Запутавшись тогда в сложных своих отношениях, он занялся астрологией, чтобы что-то понять, получить какой-то ответ на свое недоумение по поводу жизни. Эти отношения довели его до того, что он не выходил из дома, чтобы ни заглянуть в астрологические таблицы, ни проверить положение планет. Неврастенически пытался выяснить, что сегодня она ему скажет, как еще обидит. Он чувствовал себя таким одиноким, заброшенным, хотелось с кем-то поделиться, с кем-то очень близким. Он тогда написал письмо Нине. Туманное, ничего толком не объясняющее, просто ища сочувствия. Ответ пришел очень быстро. Ироничный и высокомерный: «От счастья я не исцеляю». Ну да, все справедливо. Там, в стихе Он променял ее (лирическую героиню – Ахматову) на Недостойную. И она предупреждает, когда он охладает к Недостойной, пусть не возвращается. Почти все, как у них с Ниной, если не вдаваться в детали. Особенно «дружбы светлые беседы».

Теперь, когда он вспоминал то время, оно отзывалось в нем сладостной, не острой болью: маленький северный городок, деревянное здание школы, где он учительствовал, пар изо рта по утрам, и ее, милую, в сущности, девушку, причинившую ему столько боли. Он вернулся в свой город, и, когда случайно встретил Нину, оказалось, что они, хотя и жили врозь, читали одни и те же книги, могли сразу же, как и прежде, говорить о чем угодно. Он уже излечился от своей привычки поминутно за-

глядывать в астрологические таблицы. Эти все прогнозы, хотя и верны, оставляют все же полный простор для их интерпретации. Маленький эпизод заставил его совсем избавиться от этой тяги — заглядывать в таблицы и вычислять, что будет. Выходило, что ему в такой-то день грозит большая опасность — удар тупым предметом. Поздним вечером он вышел из дома испытывать судьбу. Если предсказание верно, то должно быть нападение, удар.

Но на улицах ночного города было тихо. Неожиданно появилась группа молодых людей, и их выкрики и внешний вид говорили о том, что они легко могли бы осуществить это предсказание, но они прошли мимо, вероятно, предназначаясь судьбой для выполнения в этот вечер какого-то другого задания. Посмеиваясь над собой, он вернулся домой и лег спать. Под утро позвонил приятель и попросил помочь: они с женой купили новый спальный гарнитур, предстояло избавиться от старого дивана. Вдвоем с приятелем взялись они за огромный, старинного вида диван непомерной тяжести. Тут за спиной приятеля его собака запуталась в веревках, и, чтобы не сбить собаку, приятель резко подал вперед. Удар пришелся прямо в бедро. Боль ослепила. Скрючившись, он не выпускал из рук свою сторону. «Вот он удар тупым предметом. С небольшой поправкой на время», — пронеслось у него в голове. Потом он долго-долго отлеживался у приятеля на этом вражеском диване. Какой толк в предсказаниях? Даже зная, ты ничего не можешь предотвратить. Он знал наверняка: спорить с Вселенной невозможно. И даже опасно. У нее свои, не ведомые нам, законы. *Whatever will be will be*. Он должен был ответить по счетам Вселенной. Вселенная все равно возьмет столько, сколько ты должен. Не больше, не меньше. У Мироздания также свои четкие сроки. Плод ни на одну минуту не задержится в чреве, человек ни на одну минуту не задержится на этой земле. Есть Числа и Сроки. Вот что он понял, занимаясь астрологией.

Около одиннадцати он поднялся в ту самую квартиру, из которой вышел когда-то, лет двадцать с лишним назад, почувствовав что-то для себя неприятное в определении его как «чьего-то мальчика». Квартира теперь выглядела совсем по-другому: у взрослой Нины оказался хороший вкус. Он много лет не видел Нинину подругу, но тотчас узнал ее. Она почти не изменилась — восточная красавица. У нее была какая-то сотая доля грузинской крови, положительно повлиявшая на ее внешность. Она умела ловко говорить с грузинским акцентом и придумывала смешные

тосты «а ля грузин». Тут же на диване сидели другие гости – довольно уже известный переводчик с английского и его женой. Все трое о чем-то спорили. У окна, отдельно от всех, пытаюсь быть непринужденным, стоял незнакомец, явно «бывший» Нининой подруги. Это был элегантного вида блондин, беглый взгляд на которого заставил его вспомнить давние времена студенчества, когда их гитарист Мишель Бараев выводил своим довольно приятным баритоном:

Флейтист, как юный князь, изящен,
Но кларнетист красив, как черт.

У Нины даже игра такая была: она всех опрашивала, как выглядят этот флейтист и этот кларнетист. Все описывали по-разному. Но у них с Ниной и в этом все совпадало: красив, «как черт», конечно же, сам Мишель Бараев – чернявый, веселый и бешеный, и, когда он склонялся к гитаре, выходящая прядь падала ему на лоб. Было в нем даже что-то гусарское. Ему бы пошло вдруг вспрыгнуть на стол в свободной белой рубашке с бокалом шампанского: «Господа! За прекрасных дам!». Что-то в этом роде они тогда с Ниной представляли. А вот «изящный князь», по их обоюдному мнению, почему-то блондин, не находился. И теперь, увидев этого «бывшего», он пошел разыскивать Нину, чтобы поделиться с ней своей находкой. Она была на кухне, перемешивала двумя ложками салат – последнее приготовление к столу.

– Нина, – начал он, – ты помнишь Мишеля Бараева?

– Да, а что? – и вдруг вскричала – Нет, – и смешно взмахнула салатной ложкой, – не говори! Я знаю, что ты хочешь сказать. Давай скажем вместе. Подожди.

Она завела руки за спину, развязывая передник. Лицо ее стало серьезным.

– Так, давай хором. Ты хочешь сказать, что...

И они произнесли по-разному одно и то же: этот молодой человек (а Нина назвала его по имени) и есть (таким я себе представляю) флейтист. «Как юный князь, изящен».

Они рассмеялись, и Нина опять подняла на него глаза со знакомым выражением.

Сели за стол уже в начале двенадцатого и продолжили тот спор, который вели до его появления Нининой подруги и переводческая чета: о предназначении, карме и судьбе. Около полуночи «бывший» вызвал Нинину подругу в прихожую. В пролете две-

ри было видно их обоих: его, в небрежной позе привалившегося к стене, и ее взлетающие в жестах, руки и пылающее лицо. Она вернулась за стол и все прикладывала ладони к горящим щекам. Продолжался все тот же разговор. Тут вступила Нина:

– Знаете, – сказала она, – мой друг много лет занимался астрологией и, я думаю, он сможет ответить на многие ваши вопросы и развеять многие ваши сомнения.

– Нина, – смутился он, – я... ты для этого меня пригласила? В качестве пророка?

– Перестань! Это новогодняя ночь в конце концов! Должны быть сюрпризы и всякое... Пожалуйста.

– Прости, – сдался он, – конечно, конечно, – откашлялся и начал иронически, тоном лектора: – Астрология говорит нам о том, что на нас влияют планеты. Каково было их расположение в момент нашего рождения определяет все наши склонности, таланты, внешность и дальнейшую судьбу. Каждый день, час и даже минуту планеты меняют свое местоположение, и этим определяются те или иные события.

– И вы даже можете на этом основании эти события предсказать? – перебила Нинина подруга.

– Да, – улыбнулся он, – но для этого мне нужны ваши данные, мои таблицы и, конечно, какое-то время.

Он записал все необходимое и обещал все предсказания передать через Нину. Они долго еще так говорили. И когда он вышел в морозную ночь вместе с переводчиком и его женой, было около трех часов утра. Подруга еще оставалась у Нины: после разрыва ей необходимо было выговориться, да и жила она в десяти минутах ходьбы. Он вернулся домой. Ему не спалось. Он побродил по пустой квартире: мать теперь все чаще ночевала у сестры, деликатно оставляя его одного. У каждого свои надежды и мечты. Он налил себе вина, устроился в кресле и разложил на столе таблицы. «Ну-с, – сказал он, – что там происходит у грузинских красавиц». Он проделал всю эту нудную работу: выписал положения планет, их градусы и взаимосвязь друг с другом. Отметил в какой дом попала та или иная планета. Все это записал, сопоставил, лениво попивая вино.

И вдруг он увидел, нет, не может быть, он наклонился к своим записям... Выходило, нет, ерунда. «Спокойно», – сказал он себе. Опасность. Это была стопроцентная очевидность опасности. «Нет, – успокаивал он себя, – это можно интерпретировать как угодно. Звонить Нине?». Он посмотрел на часы: было пять

часов утра. «Поставить себя в глупое положение...». Так, размышляя, он незаметно уснул. Проснулся он внезапно, не сразу сообразил, почему спит в кресле... Потом вдруг все припомнил. Еще не зная, что скажет, набрал Нинин номер. Она тут же откликнулась, будто ждала звонка:

– Это ты? Он стрелял в нее! – и зарыдала, – я в больнице, она...

– Как стрелял? Из чего? – глупо начал он, уже все понимая.

– Из рогатки! – взвизгнула она и опять зарыдала.

Он молчал, растерянный, потрясенный.

– Он ждал ее у подъезда, у него был пистолет. Когда понял, что ранил, сам позвонил в Скорую и мне, негодяй, я всегда говорила... кто бы мог подумать, такой интеллигент, негодяй, и врач говорит, слава богу, будет жить, девяносто процентов, будет жить...

– Нина, – проговорил он, – я звоню, сейчас приеду, я смотрел, там все это выходило. Но не хотелось говорить, хотя знал. Я знал...

– О! *Of course*, - отозвалась она с сарказмом и злыми слезами в голосе, - *Of course, you did!*

**ЧУДНЫЙ МАЙ,
ЖЕЛАННЫЙ МАЙ**

Женщина, сидевшая в купе поезда, еще раз взглянула на часы: до отправления оставалось всего несколько минут, а попутчиков все не было. Она так устала, ей хотелось скинуть туфли, ослабить лямки лифчика, устроиться, наконец, удобно с книжкой. Но она сидела напряженная, с ужасом думая, что вот сейчас ввалятся какие-нибудь командировочные: выпивка, глупые шутки. Она опять машинально взглянула на часы, и в этот момент дверь купе мягко отъехала в сторону, пропуская одну за другой двух нарядных девочек лет десяти и семи, а за ними высокую даму, очевидно, их мать. Вошедшая была именно дама: так красиво были причесаны ее волосы, так ловко сидел на ней дорожный костюм. Все трое разместились напротив, и женщина, довольная такой компанией и невольно занятая разглядыванием своих попутчиков, даже забыла про усталость, только машинально скинула туфли. Девочки были замечательно хорошенькие, особенно старшая. Светлые кудрявые волосы и в контрасте с ними темные ресницы и брови привлекали внимание. Портит ее немного хмурое выражение лица. Младшая была не столь яркая. Но женщина, проработавшая учительницей почти тридцать лет, знала, что такая внешность встречается гораздо реже, чем красота. Это «высокая нота» во всем облике, трудно передаваемая словами, этот тихий свет в глазах.

Было время ужина. Мать достала из сумки вкусно пахнущий пирог и сначала угостила соседку, а затем передала кусок старшей. Та, скрестив руки на груди, так демонстративно отвернулась, что даже подпрыгнула. Мать слегка покачала головой и отдала пирог младшей. Девочка подержала его в руках и затем легонько толкнула сестру в бок, протягивая пирог ей. Она взяла.

«Драма, – подумала учительница, – и у таких симпатичных людей драма».

Полужинав, начали укладываться. Девочки, немного поспорив, забрались на верхние полки. Младшая над матерью, старшая на-

против, над учительницей. Скоро в купе стало совсем тихо. Уснула мать. Немного повозившись, затихла старшая. Учительнице со своего места было видно младшую девочку. Она лежала с открытыми глазами, водила пальчиком по желтому тисненному полотку и как будто что-то шептала. Да, девочка не спала, думая о том, как быстро все произошло, как все изменилось за последние два дня. Еще в субботу был такой веселый, праздничный день перед экзаменами в музыкальной школе. Мама вдруг объявила, что довольно с них занятий, надо отдохнуть, и они поехали гулять в летний сад. Какое мороженое они ели! Правда, она, желая что-то показать маме и сестре, прыгнула со скамейки, оставив на ней свой стаканчик. А потом случайно на него села. В первую минуту она испугалась. Но, увидев, как мама и сестра вместе смеются, тоже засмеялась громко и радостно. Потом они вместе очищали ее пальтишко, а она крутилась, изображая собаку, которая догоняет свой хвост. И мама с сестрой не ссорились. Ни разу за весь день! И она дорогой все думала, что бы еще такое сделать, как бы еще рассмешить их. Сесть, что ли, в лужу. А на следующий день... да, на следующий день, когда они играли в комнате, сестра вдруг опять начала говорить про «эти песни», которые выбрала для них мама, чтобы они исполняли на экзамене.

– Я ни за что на свете не буду петь эту песню! И вообще не пойду. А ты? Ты будешь? Ты пойдешь?

Младшая уже знала, что «начинается», что гнев сестры нарастает, и ее не остановить.

– Да, наверно, может быть, буду..., – пролепетала она.

– Если ты будешь, значит, ты предатель. Сама говорила, что твоя песня тебе не нравится, что ты вообще ненавидишь музыкальную школу! Что, скажешь, не говорила?!

Да, было, было. Рисовала она дом с трубой и дымом, поднимала над ним руки, произносила страшным голосом: пшш, пшш, гай, гай (гори, гори), музыкальная школа! Было. Но не пойти на экзамен...

А сестра уже бежала к матери, младшая поспешила за ней, остановить, не допустить. Поздно. Не добежав до них, она так и застыла в прихожей. А там... с обеих сторон уже сыпались страшные слова, обвинения, угрозы. Увидев тихо вошедшую младшую дочь, мать еще усилила свои обвинения старшей:

– Ты, всё ты, ты и сестру подговариваешь.

– Ничего она меня не подва... не подга... не подваривает, – лепетала младшая, пытаясь ее защитить.

А сестра, красная, со слезами на глазах, кричала, что мать это нарочно, назло выбрала такое для экзамена, чтобы все над ними смеялись, чтобы...

Только много позже вся эта неясная враждебность найдет словесное выражение. А пока... всё произошло мгновенно: мать схватила телефонную трубку, стала крутить диск с такой яростью, что сорвала ноготь, отшвырнула трубку, через секунду набрала номер опять и срывающимся голосом буквально выдернула их обеих из школы. Вычеркнула. Навсегда. С музыкой было покончено навсегда. В комнате настала полная тишина. Через два дня, как и планировалось на время каникул, они поехали на юг.

Состав вдруг дернулся и остановился. Маленькая девочка посмотрела вниз. Мама и соседка напротив спали. Рядом на верхней полке спала сестра. А ей было горько и одиноко. Она еще не знала, что даже много лет спустя, когда они будут жить не только в разных городах, но и в разных странах, эта горечь будет сопровождать всю ее жизнь, что при личных встречах и в длинных телефонных разговорах она будет слышать этот «бесконечный поток доказательств» с обеих сторон.

— У матери всегда была и есть на первом месте показуха! Все напоказ. Все на продажу. Ты помнишь, когда мы были маленькие, какие песни она заставляла нас петь в музыкальной школе? Ну, конечно, выходит такая хорошенькая девочка (я же была такой, не то что сейчас), тычет себя в грудь, как идиотка, по материнскому сценарию, и выводит «называют меня некрасивою...» и все сразу умиляются, расслабляются. Директор с улыбкой наклоняется к завучу: «Как славно!». Тьфу!! ненавижу эти дешевые эффекты. А твои песни? Что, лучше, что ли? Что ты молчишь? Ты всегда молчишь, соглашатель. Миротворец чертов.

Младшая молчит. Она думает о том, что каждый живет своей жизнью, в меру своих понятий. Это надо бы осознавать. И то, что называется показухой... Может, это просто неугасимая жажда творчества, самовыражения, которых так мало в обыденной жизни, особенно у женщины, занятой детьми. Одежда - своя и детей, домашний быт — все творческий процесс, поле для исканий и усилий. И неизбежны ошибки, подводит чувство меры или дерзость...

— Была недавно у матери, — сообщает старшая сестра, уже взрослая, в другой раз. — Везде у нее ковры...

— Кажется, у нее всего один ковер, — осторожно вставляет младшая, тоже уже взрослая.

– Для показухи и одного достаточно. Глощает пыль, а всё туда же.

– Но она же сама его чистит, пылесосит, говорит, что для нее это хорошая зарядка.

Старшая еще что-то говорит и говорит, но сестра уже не слушает.

«Да, – думает она, – а у тебя везде дерево, дерево. Деревянные полы и даже часть стен. Все натуральное. На мой вкус немного как в финской бане. Ковров, конечно, нет. И, боже упаси, хрусталь. Когда ты приезжала в прошлый раз на Новый год, я свои хрустальные бокалы спрятала, хотя люблю, когда красное вино в хрустале: “...немного красного вина, немного солнечного мая...”. Пили из стеклянных, плоских, тоже очень красивых».

Поезд опять остановился. Учительница с трудом разлепила глаза и глянула в окно. Стоим. Сколько же она проспала? Минуты, несколько часов? В темном окне отражалось их купе. На верхней полке маленькая девочка все еще лежала с открытыми глазами. «Похоже, так и не заснула совсем», – подумала учительница и легла опять.

А младшая не спала, она шепотом пела песню, которую выбрала для нее мама и, которую она так и не спела вчера на экзамене:

Чудный май, желанный май
Ты отраду сердцу дай.
Голубеющий простор
Ароматом напоён.
Отовсюду песен звон,
Всюду песен перезвон.
Соловьи поют в садах,
Утопающих в цветах.

ХРАНИТЕЛЬ КЛАССНОГО ЖУРНАЛА

Подъехав к студии, они увидели, что арсеньевской машины еще нет на стоянке.

– Давай посидим в машине, не будем выходить пока не приедут.

– Что-то вы, батюшка, Дмитрий Сергеевич, нехоти нервничаете. Не сорвите передачу, – заметила Ксения.

– Да, Ксюша, я как-то тушуюсь перед духовными лицами. А тут женщина-раввин. Американка! Едва уговорили ее выступать, она вообще-то приехала в Москву как частное лицо и все такое. Не привыкла выступать, чай, не артистка. Будет молчать, как рыба. Согласись, ситуация необычная.

– Постарайся ее разговорить. Ты же обаятельный. И к тому же она из России, уехала уже взрослой, говорит по-русски. А, кстати, как ты ее себе представляешь?

– Ну, такая...

– С бородой, – подсказала Ксения.

– В рясе и с крестом, – закончил Дмитрий.

– Нет, если серьезно.

– Наверное, в возрасте, божий одуванчик, – предположил Дмитрий.

– А, может, конь с яйцами, а не одуванчик. Это же в их духовной иерархии высшее лицо. Надо же дорасти, сделать карьеру, словом, поработать локтями и...

– Ну, Ксения, что ты говоришь! На раввина же надо учиться. По-твоему и медсестра за хорошую работу локтями станет главврачом? Нет, не станет. И бабочка, представь, не станет слоном в результате хорошего питания.

– Дима, смотри! Арсеньев приехал. Сейчас все увидим.

Машина остановилась неподалеку от них. Сначала вышел водитель и, зайдя справа, открыл дверцу и сделал приглашающий жест. Вышедшая из машины женщина была действительно немолода, одета не по сезону в слишком легкое пальто, держалась очень прямо, напоминая походкой гимнастку или балерину.

Пока Арсеньев что-то выгружал из багажника, она, поджидая, стояла в стороне, склонив темноволосую голову к плечу, и двумя руками держа сумку перед собой, как это делают школьницы.

Ведущие вышли из машины и представились.

Когда все расселись, Ксения начала передачу, как обычно, попросив гостью рассказать о себе. С первых же ее слов ведущие переглянулись: у нее был типично петербургский выговор. Ксения сразу вспомнила, как с классом ездила в Ленинград, – так назывался тогда этот город, – и долго потом они с подружкой копировали молоденькую девушку-экскурсовода: м-А-а-сты па-А-висли н-А-д в-А-дАми.

Оказалось, что родилась их сегодняшняя гостья в Ленинграде, окончила филологический факультет и в двадцать восемь лет с семьей уехала в Америку. Потом, много лет спустя стала раввином.

– Значит, – подытожила Ксения, – семья у вас была самая обыкновенная. Не религиозная. Обычная советская семья. Так? Когда же и как вы пришли к вере? Что послужило толчком?

– Толчка, собственно, никакого не было. Меня всегда занимал этот вопрос: как же создавалась наша Вселенная, наша жизнь в этой Вселенной. Кто автор? Знаете, как в сказке, выдь и покажись. Ведь был же, был этот день «...и был вечер и было утро, день один».

– И вы, филолог по профессии, хотели бы больше всего присутствовать при этом дне...

– Это к тому, – перебил Дмитрий, – что мы всегда спрашиваем наших гостей на передаче в какую эпоху они хотели бы жить.

– Да, – продолжала Ксения, – итак, вы бы хотели жить в первый день Творения, а не, скажем, в пушкинскую эпоху.

– Пушкин – наше все! – не удержался Дмитрий, и голосом и выражением лица точно скопировав недавно выступавшего у них пушкиниста.

И гостья хорошо так улыбнулась.

– Я поняла, – продолжала она, – чтобы в чем-то разобраться, нужны особые знания: Тора, Талмуд. И желательно не в переводе.

– И вы выбрали именно эту религию, а не христианство, например.

– Иудаизм – не совсем религия, это, скорее, учение. Если и религия, то не миссионерская. Иудаизм не заинтересован в том, чтобы вербовать новых адептов, насаждать. Скорее, наоборот.

Это христианство вело войны за свою веру. Иудаизм только для тех, кто хочет понять, это как Инструкция, приложенная к нашей Вселенной, написанная не для всех, и потому трудно читаемая, так как нет адекватного языка в нашем мире для обозначения понятий мира Тонкого. Ведь все наши языки были созданы для пользования здесь, на земле, и обозначают земные реалии. Иврит более приспособлен для выражения Тонкого мира.

– И вам понятна теперь эта Инструкция? То есть понятно как надо жить?

– О, это не так просто, надо соблюдать определенные законы...

– ...ничего не делать в субботу? Кстати, почему? – задала вопрос Ксения.

– Некоторые вещи надо делать, не спрашивая. Когда маленькие дети тянутся к розетке выключателя, у нас нет для малыша адекватных слов, чтобы объяснить ему, что такое электричество...

– Да я и не знаю, что это такое по сей день, – вставила Ксения.

– Поэтому мы говорим строго: нельзя. И ребенок понимает. Прими как факт, тебе же будет лучше. Ведь сначала была создана Вселенная, и она может прекрасно функционировать без человека. Вслед за весной приходит лето. И все это без нас. И в эту самодостаточную систему должен вписаться человек. Вот и есть специальные законы для его адаптации в ней.

– То есть, – заметил Дмитрий, – если я вам позвоню в субботу бедный, несчастный, голодный, без денег и попрошу меня встретить где-то, забрать в аэропорту, например, вы этого не сделаете? Не поможете мне в субботу?

– Дело в том, что по Торе человеческая жизнь, здоровье стоят на первом месте. Если обстоятельства, о которых вы мне говорите, представляют угрозу для вашей жизни, то, конечно, я вынуждена приехать. В противном случае...вы же знаете, что я соблюдаю субботу, что для меня это важно, зачем же вести себя неуважительно по отношению ко мне? Искушать? Вы должны справиться сами с такими мелкими бедами в этот день.

– Н-да, – задумчиво отозвался Дмитрий, – а как вы относитесь к Иисусу Христу?

– В христианстве Иисус – мессия. В иудаизме мессия еще только должен прийти. И это мне кажется более убедительным.

– И когда ваш мессия явится, всем иудеям будет хорошо? Ведь вы же избранный народ. А что будет с нами? – Ксения сделала несчастное лицо.

– Насчет избранности... Многие понимают это не совсем...
– Как?! Не избранный?! – Ксения в театральном ужасе округлила глаза.

– Да избранный, избранный, – со смешной интонацией успокоила ее гостя.

– Просто, представьте себе класс, а учителю надо срочно выйти. И он знает, что будет твориться, едва он выйдет за дверь. Он окидывает взглядом класс: Петров! Иди сядь на мое место, следи за порядком и классным журналом. Помни, ты ответственный за журнал и порядок. И Петров, нехотя поднимаясь со словами «чё Петров-то, чё Петров», садится в учительское кресло. И вот тут между Петровым, который еще пять минут назад был как все, и классом возникают особые отношения. Кто-то уже начинает его не любить: дослужился, мол, Петров. Другие жалеть: он же не виноват. Его избрали. И у самого Петрова появляются неожиданные качества – ответственность, подозрительность и даже высокомерие. Словом, отныне он другой. Его выделили. Это, конечно, очень простое объяснение, но так Творец выделил евреев и вручил им Тору. Так родилась нация.

– А мы на земле для счастья или для страдания? – задала Ксения свой главный вопрос.

– Скорее для исправления.

– Что же мы должны исправить?

– Каждый что-то свое. У каждого своя миссия.

– Как это миссия? Миссия есть у всех?

– Нет, только у Пушкина, – вставил Дмитрий, но Ксения так на него посмотрела и, как бы невзначай, нежно ребром ладони провела по своей шее.

– Да, определенно, у всех.

– Какая может быть миссия у обычного человека? Можете привести пример?

– Например, то что у вас совсем плохо получается, это, может быть, и есть ваша миссия. Это не профессия, не навыки какие-то. Например, вы не можете помириться с отцом в течение своей взрослой жизни. Но вы должны.

– А может быть одинаковая миссия у простого человека и у короля? – включился Дмитрий.

– Я думаю, да.

– Постойте, постойте, как же так? У короля доблесть, подвиги, вся страна у его ног. А обычный человек... Что у него?

– Но у короля все регалии и почет получены от людей. Там, наверху это никого не интересует. Это как бы разные ведомства – там и здесь. А миссия у них может быть общая, например, простить и помириться с отцом. Из воплощения в воплощение они не могут это сделать. А их профессия не так важна. Главное – выполняют они именно эту миссию или нет.

– Извините, мне надо срочно позвонить отцу, – пошутил Дмитрий.

– А наказание? – задумчиво произнесла Ксения. – Как с этим?

– Опять же, люди наказывают за одно, а Творец – за другое, менее очевидное. За мысли или дурные и даже неосуществленные намерения, например. Мысли – его ведомство. Поступки – наше, земное.

– Как-то все очень странно получается. Делай и не спрашивай. Всему свое время. Вырастешь, Саша, узнаешь. А где свобода воли, милосердие, любовь к ближнему?

– Все это заложено изначально в человеке. Все это нам надлежит проявить. Никто не восстает против законов Вселенной, которые очевидны, правда? Брошенный камень всегда летит вниз. Даже если вы захотите увидеть своего ребенка через четыре месяца после зачатия, у вас ничего не выйдет. Вы должны выждать положенный срок. Эту тайну вы знаете, а многие другие нам недоступны.

После передачи Ксения и Дмитрий ехали вместе. По пятницам Ксения навещала свою мать, и Дмитрий подвозил ее к дому. После того как гостя уехала, было такое ощущение, что что-то важное упустили, не договорили. Ехали молча. Каждый думал о своем. Наконец Ксения нарушила молчание:

Здравствуй, князь ты мой прекрасный
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему
Говорит она ему.

Дмитрий молчал. Ксения наклонилась вперед и заглянула ему в лицо.

– Говорит она ему, – повторила она с шутливой угрозой в голосе.

А ему вдруг представился класс. Учителя в классе нет. Невообразимый шум, возня, стрелы летят в очерченный на доске

круг. А у окна с легким холодком неучастия, склонив голову к плечу...

– Дима! Ты что, осторожно! Так и аварию сделать недолго. Ты что не видел эту зеленую машину?

– Прости, я...

– Я еще молодая, жить хочу и, наверное, не исполнила свою миссию. У меня старуха-мать. Да и твои многочисленные Роксаны и Матильды будут тебя оплакивать. Придут на твою могилку кудри наклонять и плакать. Кстати, я всегда хотела тебя спросить: это их настоящие имена?

– ...кудри наклонять и плакать. Как это хорошо сказано. Откуда это?

– Откуда! Классику надо знать.

– ...стоит их сегодняшняя гостья. Он так ясно видел эту картину.

– Да, – закончила Ксения свою длинную речь, которую он не слышал, – неизгладимое впечатление произвела женщина-раввин на нашего ведущего.

– Да нет, какое там впечатление. О чем ты? Конечно, нет.

КАК РОЗОВЫЕ ПТИЦЫ

В конце концов логика родителей победила.
– Во-первых, – загибала мать пальцы, – ты никогда не был в Одессе. Нет, – перебивала она сама себя, – это во-вторых. Первое, – раз уж ты собрался на филологический, – никто не подготовит тебя лучше, чем Дмитрий Сергеевич. Он профессор, умница да и просто хороший человек. Смотри, они с Аней прожили почти тридцать лет, без детей, но в полном согласии и любви. Я так рада за сестру.

– Ма, ты отвлеклась.

– Да, к осени вернешься в Москву другим человеком. А уж как моя сестра будет тебе рада.

В Одессе все оказалось точь-в-точь как он себе и представлял. Есть такие города, как и люди, с репутацией и имиджем, и ничего здесь не попишешь. Его мечтой было когда-нибудь оказаться в Париже, чтобы самому убедиться, что этот город соответствует тому, что уже веками нагородила о нем литература, живопись. Его воспевали, живописали, а если вот о нем ничего не знать совсем. Никаких ассоциаций – покажется ли он таким. Эти мысли часто приходили ему в голову. Что касается Одессы, то она как раз полностью соответствовала. То ли из рассказов матери, то ли по литературе у него сложилось представление об этом городе, и не только о городе, но и о быте и даже о запахах. Симпатичный, немного суматошный, но иной, чем Москва, город. Все оказалось правдивым: и тысячу раз слышанное от матери восхваление продуктов, и неподдающийся описанию запах с моря. Ложка в поданной тетей на завтрак сметане, действительно, стояла вертикально и не падала. Мордастые помидоры соседствовали на тарелке с огурцами-рекордсменами. Из «синеньких» тетя творила чудеса. Московский творог должен был рассыпаться в прах перед одесским. Единственный, кто поначалу был у него на подозрении, это сам профессор. Родительские дифирамбы в честь Дмитрия Сергеевича не воспринимались им не в силу его юного возраста, но всем его складом, хотя и доброжелательным, но несколько высокомерным и скеп-

тическим. Однако, беседы с профессором постепенно развеяли его первоначальное подозрение, что преподаватели ничего не смыслят в настоящей поэзии, занимаясь только учебной, разрешенной. Дмитрий Сергеевич считал, что есть поэты милостью божьей, а есть просто талантливые, как бы сами себя сделавшие. Вот, к примеру, Маяковский. У него даже статья есть такая «как делать стихи». Делать. Талантливо, но делать, работать в поте лица над стихом, но ему Муза «не диктовала страницы ада». Мандельштам – гений. Пастернак – талант. Это мнение дяди он целиком разделял. И даже показал ему свои стихи, о чем сразу же пожалел. Стихи пока он писал такие:

Сквозь заросли зеленой бузины
Паучий дождик мелко сеет влагу
Куда ни глянь – угоды тишины
Напоминают белую бумагу.
Прислушиваясь к медленному шагу,
Деревья колокольцами звенят
И, осторожно наклонясь к оврагу,
В глаза его олени глядят.
Как этот мир мелодией богат,
Как радуется он земному благу.
И если бережно поднять корягу,
Она зальется флейтой наугад.

Распорядок дня был таков: утром, после завтрака, тетя уходила на работу – к себе в библиотеку. Дмитрий Сергеевич, с вечера «задав корма» племяннику, то есть оставив ему тему для сочинения, удалялся в университет. Хотя лето уже началось, у дяди все же было много работы на кафедре. Чтобы написать дядино сочинение, надо было перевероршить кучу книг. Он располагался на террасе, сначала выкуривал украденную из дядиного портсигара сигарету, а затем приступал к работе. На террасе всегда было очень тихо. Дача слева от них была заколочена. Справа – тоже пустовала. Он уже неделю провел здесь, но никого не встретил. Видимо, дачный сезон еще не начался. Он, однако, уже полюбил свое дневное одиночество и вечерние часы, проводимые в беседах с профессором, и ироничные реплики тети. Иногда Дмитрий Сергеевич вдруг начинал читать стихи.

И какие! Любимыми поэтами его были Мандельштам, Гумилев, Георгий Иванов. Иногда дядя предлагал ему угадать

кому принадлежат те или иные строчки. И это было большим удовольствием. Он не всегда угадывал. А вот цитируемое им дядя всегда узнавал. Впрочем, один раз засомневался: «Тюль, подымаясь, бил в потолок». И весь вечер потом повторял эти строчки, приговаривая «как хорошо, как хорошо». В один из вечеров засиделись так допоздна. Тетя пошла спать, а через пару часов вышла заспанная, накричала и разогнала их. Утром он долго не мог проснуться, но тетя была неумолима: «Заниматься и точка. Я ответственна перед сестрой!».

С чашкой кофе в руке он расположился на террасе и все никак не мог приступить к очередному сочинению. Уже несколько раз прочел одну и ту же фразу, потянулся всем телом и вдруг вздрогнул от неожиданности: на соседней, всегда пустующей даче, внезапно отворилась дверь, и молодая загорелая женщина в легком сарафане быстро выбежала на террасу, развесила мокрый купальник на перилах и также быстро скрылась за дверью. Теперь он совсем не мог сосредоточиться. Не мог дожидаться вечера, чтобы что-то о ней разузнать. Но на свои расспросы не получил никакого ответа. Дядя явно не интересовался соседями, а тетя не замедлила напомнить ему зачем он здесь. И чтобы выкинул из головы всякие глупости.

Проходили дни, но женщина в розовом сарафане больше так и не появилась. Ему уже стало казаться, что это была галлюцинация, но купальник, оставленный когда-то на перилах, говорил о реальности факта. Затем как-то незаметно исчез и купальник – последний и единственный свидетель. Он стал чаще ходить на море. Заплывал недалеко и оттуда разглядывал загорающих на пляже. Она не появлялась. Он шел вдоль берега, подбирая и бросаая камешки в море. Грустил.

И также внезапно, как и тогда на террасе, он издалека увидел ее розовый сарафан. Она шла прямо ему навстречу, и он, не зная что в таком случае делать, застыл на месте. Она остановилась около него.

– Привет, сосед. Ведь вы сосед? Ведь Дмитрий Сергеевич ваш дядя?

– Нет, тетя..., – растерянно ответил он.

– Да... я там жил... у нее, – произнесла она и засмеялась.

В ответ и он рассмеялся радостно: у них в семье тоже была в ходу эта балагановская фраза при всякой неловкости.

– Я имел в виду, что Анна Николаевна моя тетя, а Дмитрий Сергеевич ее муж.

– Но все равно мы соседи, а значит, увидимся, – произнесла она и пошла вдоль берега не оборачиваясь. Он боялся посмотреть ей вслед и все же видел ее удаляющуюся фигуру.

– Как розовые птицы ваши дни..., – прошептал он то ли где-то слышанное, то ли вот сейчас сочиненное им самим.

Но после этой встречи она не появлялась. Проходили томительные дни, дни складывались в недели, но ее не было. Спал он плохо. Сигареты в дядиной папироснице стремительно исчезали. Он подолгу стоял у окна, всматриваясь в темноту. А в эту ночь проснулся внезапно, не зная который час, нашарил под кроватью спрятанные сигареты и вышел покурить. Светало. Он выкурил одну за другой две сигареты и уже собрался пойти в комнату, как дверь соседней дачи, как и тогда, в первый раз, внезапно отворилась, и Дмитрий Сергеевич бочком-бочком сбежал по ступенькам и, не замечая его, быстро проскочил по дорожке к своей даче. Он застыл на террасе не в силах двигаться, не понимая что делать. Что же теперь делать? Медленно двинулся в комнату и рухнул на кровать. Он слышал приглушенный шепот тети: «стыдно, ребенок, когда же наконец, с этой, с этой...».

Он вскочил с кровати и, опрокидывая на бегу шаткие тетины столики с цветочными горшками, выбежал вон.

ТОСКУЯ ПО КИОТО

Уже около двух недель он был в родном городе, но ей так и не позвонил. Он знал, что она переехала, год живет в другом районе. Правила изменились: зачем звонить, что он скажет? И в то же время знал, что просто не сможет уехать, не повидав ее. Он думал о том, как, будучи далеко от родного города, в прекрасной Европе, ловил себя на поиске подобий: дворик с косо вросшим деревом и забытыми качелями, дом с похожими окнами, вдруг в толпе выхваченное лицо, как будто знакомое. А однажды в отеле он буквально шел по пятам за официантом, везущим тележку с завтраком, вдыхая аромат свежего хлеба. Официант все время оглядывался подозрительно, но по долгу службы вынужден был улыбаться. Такой вкусный запах он чувствовал сразу выходя из школы: рядом была пекарня.

Повсюду хотелось выискивать этот «дым отечества». Но вот он приехал, побывал и у школы, и даже тайком у ее дома, а того волнения, которое испытывал там, вдалеке, не было. Словно что-то мешало.

Она ответила сразу, он даже не успел приготовить нужные слова. Узнала его и как-будто обрадовалась. После обычных расспросов – как, где, надолго ли – она объявила жеманно: «Я принимаю по субботам». Это была их давняя игра – изображать каких-либо персонажей. То вести светский разговор, то лепить диалог сплошь из газетных штампов, то пытаться изобразить простонародный, деревенский говор. Вот и сейчас она заговорила как «светская львица». В этих играх она всегда побеждала: его запас подходящих выражений иссякал намного быстрее. В реальности в субботу был ее день рождения. Он, конечно, это знал. И вот получил приглашение.

Все ее считали талантливой, хотя никакого большого таланта, – насколько он знал, – за ней не числилось. Просто, если в компании нужно было изобразить некий персонаж, написать пародию в стихах, подделать акцент или диалект, она делала это точно, смешно и лучше других. Она никогда

не училась живописи, однако, когда дискуссия со знакомым художником дошла до того, что он подsunул ей карандаш и блокнот, она «на заказ» рисовала картинки под того или иного художника. Быстро, ловко. Все удивлялись. Сам художник был в восторге.

Собираясь теперь на встречу с ней после почти четырехлетней разлуки, он надеялся получить от нее разгадку своей недоуменной обиды: после двух первых лет ежедневной переписки, звонков она вдруг резко, без объяснений оборвала их связь.

Он купил большой букет белых гвоздик и решил немного опоздать. Она всегда смеялась над ним за то, что он никогда не опаздывает. Вообще любила дразнить его по всякому поводу. «Опасный ты человек, – говорила она, – все-то ты придумываешь, мечтаешь. А ну как окажись реальность хуже мечты? Ведь сбросишь безжалостно с пьедестала».

Она сама открыла дверь, но он не успел сказать и приветствия, как гости затормошили ее и утащили. Его усадили за стол на другой конец, далеко от нее, а он все поглядывал туда.

Она почти не изменилась. Оказалось довольно первых двадцати минут, чтобы привыкнуть к новой прическе, другому стилю в одежде. За весь вечер ему только раз удалось приблизиться к ней; и в этом коротком, пустом разговоре она назвала его обычным именем, а не тем ласковым и привычным, что сама изобрела, уверяя, что у каждого должно быть такое имя, отражающее суть. И это больно задело его. «А было ли между нами то понимание, та незримая, нам одним понятная связь? Или я все, действительно, надумал».

Она была занята. Вместе с гостями увлеченно трудилась над таким трюком: надо было в течение нескольких секунд смотреть в компьютер на некое фото в негативе, затем быстро закрыть глаза и, переведя взгляд на белую поверхность – например, потолок, – глаза открыть. И тогда на потолке игрок должен увидеть четкое изображение этой фотографии. Мало у кого получалось. Раздавались голоса: «Это иллюзия. Неправда!». Кто-то кричал: «Вижу!». Такому игроку не верили. Все были так увлечены, что на него никто не обращал внимания. Обида и недоумение росли с каждой минутой, и он решил уйти. Вдруг ему показалось, что надо быстро уйти, чтобы забыть, чтобы уже никогда.. Ну сколько это может продолжаться? Чтобы уже навсегда. Его никто не удерживал.

Смеющаяся, разгоряченная, она выбежала за ним в прихожую. Он резко схватил ее за руку. Она осторожно высвободилась и передала ему сложенную вчетверо записку.

– Прочти в самолете, но не раньше! Обещай. Ведь ты завтра улетаешь, так?

Он взял записку.

– Постой...

– Нет, – перебила она, – в самолете.

Вечером следующего дня он улетал. И даже теперь он не посмел ее послушаться. Только устроившись в кресле самолета и подождав пока объявят взлет и все успокоится, он развернул листок. «Смотри, Палеша, какую замечательную мысль я нашла в книге по буддизму. Только ты и сможешь это оценить: “Я в Киото, но слышав голос кукушки, тоскую по Киото”».

ПАМЯТКА ЖИТЕЛЮ ВСЕЛЕННОЙ

После Барселоны группа разделилась по такому принципу: природа и архитектура. «Архитекторы» поехали знакомиться с Мадридом и Толедо, а любители природы направились на море. В этой второй группе оказалось шесть человек: Вера и Павел Андреевич – симпатичная немолодая пара, подружившаяся с ними в этой поездке; примерно их возраста одинокая дама, очень милая. Кроме них, две молодые подруги, одна из которых учительница, другую же все звали просто Галочка. И почему-то к их группе примкнул этот странный молодой человек, который, кажется, за всю поездку не обмолвился и словом с остальными.

В отель прибыли вечером. Он был расположен прямо на берегу моря, а красота вокруг дивная, неправдоподобная, так что восхищались ею молча, нужных слов уже не находилось. После ужина девочки с бутылкой местного вина заявили в номер к пожилым, как и было решено ранее.

– А где ваша милая дама, – поинтересовалась Галочка.

Они уже привыкли видеть эту троицу вместе. А подруге этой дали прозвище Милая Дама.

– Устала. Пошла спать, – объяснила Вера.

– Слава богу, – буркнул Павел Андреевич.

– Почему так немилостиво, а? – засмеялась Галочка. – Нам показалось, что она вами, Павел Андреевич, очень интересуется.

– Ах, девочки, вам надо было не с нами проводить этот вечер, а позвать нашего неразговорчивого молодого человека. Было бы вам веселее, – заметила Вера.

– Мы бы с радостью, – подхватила учительница, – но нам с Галочкой показалось, что он немного другой ориентации и потому мы ему неинтересны.

– Кстати, Павел Андреевич, вы единственный, кого он удостоил своим разговором. Что вы о нем думаете? – подала голос Галочка.

– Что вам сказать? Мы мало говорили. По профессии он доктор. Психиатр.

- Говорит хорошо, интересно.
- О! – вставила Галочка, смеясь и кокетливо поправляя волосы.
- Мне показалось, что он к тому же человек верующий. В этом, однако, я не уверен. Что же до его ориентации... Не могу сказать. Но по некоторым признакам все-таки традиционной.
- Вы вселили в нас надежду, – с шутилой серьезностью сказала учительница.
- Надежда умирает последней, – поддержала подругу Галочка.
- Нам пора. Завтра поход в горы и пикник на природе, – учительница поднялась с кресла.
- Да не горы это, а холмы. Ведь сказал экскурсовод еще в Барселоне, – уточнил Павел Андреевич.
- Все равно – горы или холмы. Пора отдыхать.
- Утром, выйдя из гостиницы, все шестеро были поражены необычайной прозрачностью воздуха. Было в нем что-то ослепительное. Женщины подбирали эпитеты: слепящий, жемчужный, серебристый, розовато-жемчужный.
- А вы что скажете, Павел Андреевич? – обратилась к нему Милая Дама.
- Весь этот пейзаж вместе с воздухом как будто вынули из посудомоечной машины. Все сверкает, как от средства «Кристалл».
- Браво! – воскликнула Галочка.
- А вам как кажется? – учительница повернулась к молчаливому, как обычно, молодому человеку.
- Утро лучезарное, как ваша улыбка, – произнес он сам улыбаясь.
- Как красиво! – тут же воскликнула Милая Дама.

Группа не спеша двинулась вперед. Вера накануне под большим секретом сообщила всем, что муж ее недавно перенес тяжелую операцию, и ему все еще трудно ходить. Однако, он, видимо, желая это скрыть от других, шел с картой впереди всех м нес рюкзак с провизией.

К полудню достигли желаемого места. Это, действительно, были не горы, а череда зеленых, будто не природных, а специально кем-то вылепленных, идеальной формы холмов.

– Ах, невероятно! – за всех восхитилась Вера.

Оглядевшись вокруг, наметили цель: вон там, в той впадине между холмами будет наш пикник. Надо было только немного спуститься вниз.

– Павел Андреевич, – Милая Дама, мельком взглянув на его жену, перевела полный сочувствия взгляд на него самого, – дайте я вам помогу. Вам же трудно..

– Я великолепно справляюсь сам. Спасибо, – с чуть заметной досадой ответил он.

Девочки спускались первыми и уже почти достигли этой ложбинки между холмами, как вдруг услышали, что наверху кто-то вскрикнул. Они быстро стали взбираться обратно на холм. Павел Андреевич и Вера стояли в полной растерянности. Милая Дама сидела тут же на траве, всхлипывая и держась за ушибленную ногу. Панамка ее съехала набок, по щекам текли слезы. Молодой человек, сидя на корточках колдовал над ней.

Оказалось, что она подвернула ногу. Возможен даже перелом. Было непонятно как спуститься с холма.

– Вы оставайтесь здесь, а мы пойдем вниз. Главное дойти до дороги, а там мы сможем найти такси, – уверенно распорядился молодой человек, которого все сразу стали называть доктор.

– Но как же вы спуститесь? – Павел Андреевич задал вопрос, который тревожил всех.

– Вот так, – ответил доктор и приказал Милой Даме сесть ему на спину и обхватить шею.

– А вы все-таки оставайтесь на пикник. Мы доберемся, – проговорил он твердо.

Так медленно вдвоем они начали спуск. Четверо оставшихся не сводили с них глаз, пока они не пропали за поворотом. Настроение у всех было мрачное. Наскоро перекусив, отправились в обратный путь.

Милая Дама сидела у себя в номере, уже осмотренная гостиничным доктором. Это был легкий вывих. Все собрались около нее, выражая сочувствие. Она повеселела и разговорилась. Молодой человек вышел из ее номера первым. За ним вышли и девочки. Все трое сели на диван в фойе.

– Бедная Милая Дама, – произнесла Галочка, – слава богу все обошлось.

– Бедная? – переспросил молодой человек. – Вы ее жалеете? Я таких милых дам называю террористами. Словесными террористами.

– Что? Почему? – в один голос воскликнули Галочка и учительница.

– У меня много пациентов, страдающих от таких вот милых дам, если они состоят с ними в родстве. Или имеют таковых на работе. Объясню. Вера ведь всех предупредила, что Павел Андреевич перенес недавно операцию. Так? С другой стороны, сам он не хочет, чтобы это все знали. Скрывает. Идет впереди, терпит, несет тяжелое. Это очень важно для укрепления духа, когда человек перенес такую операцию. Поверьте мне. Жена это видит, она страдает. Переживает за него. И тут вмешивается ваша милая дама со своей помощью: вот какая я добрая. Смотрите все. Жена не помогает, а я вот... Я за ней наблюдал. Я хорошо изучил этот тип людей. Она насолила Вере. Лишила уверенности Павла Андреевича; ведь он, наверное, не хотел, чтобы замечали его трудности. И, наконец, испортила всем настроение и долгожданный пикник.

– Мне кажется, все-таки, что вы преувеличиваете ее «преступление». Может, она, действительно, хотела помочь, ведь какой прок ей в этом? Она же за это ничего не получает, - как можно мягче заметила учительница.

– В том то и дело, что это зло в чистом виде. Зло под маской добродетели. Ведь иногда человек пускается во все тяжкие ради чего-то. А тут всем насолила для собственного, какого-то низшего чувства удовольствия. Ведь по форме это, действительно, святая невинность. Вот смотрите – хотела помочь. А по сути своей – зло. А скажи ей: расплатится. И хотя сама знает все свои уловки и тщательно их планирует, злом это не считает. Вот что странно.

Девочки притихли. Они были немного сбиты с толку. И в целом не совсем согласны.

– Вот она и получила наказание, – продолжал он, – мы думаем, что наказываемся только за большие грехи: убийство, кражу. Это не так. Правда, наказание не приходит тотчас. Мы получаем наказание по прошествии времени, когда уже и не знаем за что. Поэтому и считаем, что несправедливо. А тут так наглядно: сразу и получила. Так устроено, что мы, люди, видим неглубоко, а Природа видит истину. Мы сами – авторы всего плохого, что с нами случается: вот такая памятка нам, жителям этой Вселенной.

В этот момент из номера вышел Павел Андреевич.

– Ну как она? – тут же спросила учительница.

– Да все в порядке. Теперь не отпускает Веру. Говорит, что еще некомфортно себя чувствует. Просит ее остаться на всю ночь. Посидеть, - он с досадой развел руками, - и Вера моя, добрая душа, согласилась.

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В МАРИЕНБАДЕ

За эти два года она, казалось, перепробовала все средства, возможные и невозможные. Она устраивала вечеринки с приглашением дам отцовского возраста и моложе, покупала билеты в театры и на концерты; подстраивала «случайные» встречи: ничего не помогало. После смерти матери отец впал в полную апатию, закрылся на даче, и вернуть его к полноценной жизни она была не в силах. Очередным шансом, на который она возлагала большие надежды, была тетка ее школьной подруги Нины. Она много слышала хорошего о ней, но видела только один раз. Селест, — как Нина почему-то называла свою тетку, — была примерно одного возраста с отцом, ученый сухарь, но умница, а главное — любила музыку. Почему-то ей казалось, что отцу будет интересно с Селест. И теперь она встретилась с Ниной, чтобы обговорить свой план. Нине эта идея показалась безумной.

— Твоя мама была очаровательная женщина, прекрасная хозяйка. А как она готовила! Я так любила после школы приходить к вам обедать. До сих пор помню блинчики твоей мамы. А Селест... Она никогда не была замужем, детей у нее нет. Она даже готовить не умеет. В детстве, когда родители уезжали и оставляли меня у тетки, она стряпала нечто несъедобное и обижалась, когда я не ела. Правда, потом садилась около меня и, смеясь, читала стих, что-то из французской поэзии:

И тетка Селест,
Что рдея от злости,
Убила бы гостя,
Который не ест!

С моей легкой детской руки все родственники стали звать ее Селест.

— Ах, вот откуда это имя. За эти стихи она мне уже нравится.

— Я обожаю Селест! Но знакомить ее с мужчиной... — возражала Нина.

— Но ведь у нее, ты говорила, был какой-то...

— Он и сейчас есть. Вечный ее оппонент. Я его называю мистер З — по первой букве его фамилии. Они друзья-враги. Он

такой ироничный, высокомерный господин. Одним взглядом сотрет любого в порошок. Они то сходятся, то расходятся, но на почве научных споров. Тут нет никакого романтического элемента. Селест и любовь – две вещи несовместные. Сейчас как раз они, кажется, в «разводе». Он профессор. Работает. Преподает то в Гренобле, то еще где-то.

– Нина, прошу тебя, уговори Селест. Просто пусть встретятся, сходят в филармонию. Она такая умница. Мой отец... он же интеллигент: ему не любая женщина понравится. Пусть Селест скажет, что они раньше уже виделись у нас дома, я столько приглашала разных дам, он все равно не вспомнит.

Своим дочерним чутьем она предчувствовала удачу. Нина обещала поговорить. На следующей неделе она получила от подруги текст в телеграфном стиле: «Познакомила. С обеих сторон есть интерес, правда, пока, на мой взгляд, минимальный. Собираются вместе в филармонию».

«Нина – ты гений, твоя тетка – прелесть», – был ответ.

Она специально выждала какое-то время и с опаской позвонила отцу. Голос его звучал живее, она даже узнавала знакомые веселые нотки, исчезнувшие сразу после мамы.

На следующей неделе отец позвонил сам. Небывалый случай! Он просил ее пойти с ним купить рубашку. Она не верила тому, что слышала! «Понимаешь, – говорил он, – Гергиев дирижирует. Исполняют Рахманинова. Нужна рубашка».

Уже около двух часов Селест была дома после похода в филармонию. Два часа назад новый знакомый, с которым свела ее Нина, подвез Селест на такси прямо к дому. Они договорились увидеться в следующую субботу. Она вышла и приветливо помахала ему сумочкой. За стеклом такси различила его улыбку. Такси отъехало. И вот уже около двух часов, не снимая своего выходного платья, она все вышагивала по квартире, прижимая ладони к щекам. Щеки горели.

Мысли путались. Она присаживалась на секунду и опять начинала кружить по комнате. «Ну прямо как гимназистка, – сказала она себе, – надо сейчас же ему написать. Что написать? Что случилось то, чего она ждала всю жизнь? Вот мы с вами сегодня вспоминали этот старый французский фильм “Прошлым летом в Мариенбаде”, и я забыла вам сказать, что его перевели неверно.

Нужно: в прошлом году, а не прошлым летом. Нет, не то. Там все сумбурно и непонятно. Вот так и у меня сейчас на душе. Нет, опять не то. Нина просила просто помочь этому милому человеку. А теперь... Он, действительно, милый. Недавно перенес такое горе. Надо срочно ему написать. Да, я сейчас напишу». Она еще раз подошла к компьютеру, хотя текст присланного ей письма уже знала наизусть: «...снял небольшой домик прямо на море. Ехать из этого поселка на работу всего час. Под окном твоего будущего кабинета роскошное дерево, а как называется - не знаю. Тут совсем иная природа. В поселке есть замечательный рынок. Только что выловленную рыбу буду жарить тебе на обед. Я всегда был занят, ты знаешь, и не успевал тебе сказать: ты необыкновенная, единственная. Приезжай. Жду. Твой З».

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВАРИАНТ

Стук в дверь разбудил Эмму. Надо же! Весь долгий день ждала внучку, готовилась к ее приходу и вот только прилегла на минутку и, конечно, вздремнула. Она поднялась, пригладила волосы и пошла ей навстречу. С тех пор как внушка перевелась в другой институт такие их обоюдно любимые встречи-чаепития стали происходить реже. Она обняла внучку и немного отстранила от себя, любуясь. Каждый раз вид ее поражал Эмму: торчащие во все стороны темные пружины волос, одета не то в кофточку, не то в распашонку, не прикрывающую живот. Почти бестелесность. Эмме нравился ее внешний вид, но как бабушка она должна была сказать свое слово.

— Тебе бы надо больше есть.

— Ба, что это с тобой? Ты хочешь быть как все?

— Кто это все?

— Ну все эти тетки-бабки. А вообще, ба, я не одна.

— То есть?

— Он здесь. Вон, посмотри в окно. Стоит. Ждет. Как крейсер «Аврора» на вечной стоянке.

— Так позови его.

— Нет. Он не пойдет. Ты же знаешь, как папа его ненавидит. Прогнал. Запретил. Твой сынок, — она легонько толкнула Эмму в плечо, — да и мама тоже против. Теперь и у тебя появится шанс увидеть и невзлюбить.

Тон бодрый, даже веселый, а глаза умоляющие, виноватые.

— Ба, я пойду заваривать чай, а ты взгляни в окно все же.

И она отправилась на кухню заваривать чай. Заварка чая — был особый ее ритуал. Она никого к этому не допускала.

Эмма достала из футляра очки, протерла краем юбки и нацепила на нос. Затем подошла к окну и отвела слегка штору. Сначала ничего не было видно, хотя жила она на первом этаже. Она подалась немного вперед, покрутила головой из стороны в сторону, с минуту пристально вглядывалась и вдруг быстро задернула штору. Спинай она вжалась в стену, руки у нее похолодели. Там в нарядной белой рубашке, поставив одну ногу на детскую,

врезанную в землю скамеечку, стоял ее Федор. И даже глядя на него из окна, почувствовала Эмма его холодную, непобедимую готовность стоять до конца. Эту знакомую ей непокорность, злую правду в его ледяных зрачках.

– Ба, – тебе с молоком? – послышалось из кухни.

– С молоком, – ответила она одними губами, так что получилось шепотом.

– С молоком! – крикнула она громче в сторону кухни.

А сама уже бежала, и июньский дождь лепил к ее коленям сарафан, заливал большие лыжные ботинки брата: ведь ее обувь отец спрятал. Она не помнила, как прибежала в больницу и, пройдя сквозь множество коридоров, удивленных, недоумевающих взглядов, оказалась в регистратуре. Там ей сказали, что сын Орловых жив, опасности для жизни нет. А вот Федора не было нигде. «Нет, это не так, как ты думал, совсем не так. Это отец купил эти злосчастные билеты в театр мне и сыну своего друга. Он хотел видеть нас вместе: меня и сына Орловых. И я пошла ради отца. Нет, я не предавала тебя, Федор».

Через много лет, когда уже давно она была замужем, Эмма встретила сына Орловых – знаменитого хирурга – с женой и двумя мальчиками. Они узнали друг друга. И смеясь, сын Орловых рассказывал жене и мальчикам, как они с Эммой ходили на спектакль, а после, когда он, проводив Эмму, шел один, на него напал хулиган. «Ну и досталось мне тогда. Но и я в долгу не остался». И жена и мальчики смотрели на него с восхищением. А она не могла оторвать взгляда от его изуродованной щеки – след от вдавленных стекол очков? Или как там у них с Федором получилось?

Осторожно ступая с подносом в руках, в комнату входила внучка.

– Ну что, посмотрела? Что делать, ба? Папа сказал свое последнее «нет». Ты же его знаешь: твой сынок.

В этот раз она не задерживала внучку, ведь ее ждут. Она видела в окно, как пошли они рядом. Будто это были она и Федор, не простивший ее «предательства». Эмма подошла к книжному шкафу, достала толстую книгу и вынула оттуда ученическую тетрадку. Это все, что у нее осталось.

В восемнадцать лет Федор писал: «Из личной Библии»:

«14. ...честь и хвала вам, тем, которые, как выпадет снег, набьют им карманы и корзины, погрузят на телеги, а еще подставят рты и ладони. А как придут другие и скажут: дайте и нам снега. И не допросятся.

15. И вам, мужи достойные, благословение, когда приступят к вам девы красоты неземной, а если и земной, то иноземной, и не устоите. Чем же лучше предаваться мечтам и лицемерить перед лицом своих товарищей в добродетели своей? Лицемерие не хуже ли соблазна?

16. Слава и вам не-жены, говорящие: а вы видели его избранницу? Краше в гроб кладут! Ни кожи, ни рожи! Кожа да кости! И противоречат себе. Ибо ранее сказали: ни кожи, а потом – кожа. Благословение вам! Ибо его избраннице – он и награда. А вам что?

17. Не забыть и вас, тех, которые глянут с утра в окно, а на той стороне трава по пояс и, не в пример, зеленее. И опечалятся. И набьют рот завистью и скажут: она белая. Хвала вам, ибо поведет она вас далеко в делах ваших...».

Она аккуратно вложила тетрадь в толстую книгу и поставила в шкаф. «Отец твой прав, – рассуждала Эмма, – как прав был и мой отец. Какую благополучную жизнь она прожила со своим ученым мужем. Вырастили двоих сыновей, дожили до внуков. А она, может быть, доживет и до правнуков. А как было бы с Федором, она не знает. У судьбы для каждого имеется всего один вариант, а благополучие своих детей – превыше всего».

Эмма вздохнула и с этими мыслями набрала номер телефона своего сына. Она только и успела сказать приветствие, как сын начал выкладывать свое, накипевшее. Она внезапно почувствовала боль, одиночество, тоску. И на все его разумные доводы только и смогла выдохнуть:

– Пусть они будут вместе.

СКРЫТИЕ ТВОРЦА

Следуя за пассажирами по узкому проходу самолета, он издалека пытался вычислить свое место. Но люди двигались медленно, открывали багажные отделения, засовывая туда свою кладь, хлопали крышками и сверху, для верности, еще и ладонями. Средний ряд состоял из трех кресел, и он понял, что его место с левого края. Там уже сидели две женщины, что, конечно, не очень удобно. Но зато с краю, а не между ними – не надо каждый раз беспокоить. Добравшись наконец до места, он неопределенно кивнул женщинам и сразу полез в рюкзак за книгой. Сунул руку до самого дна, обшарил бока и вдруг ясно увидел книгу, лежащей на краешке стола в отеле. Забыл! Так ждал продолжения сюжета, и вот на тебе! Что он будет делать семь часов полета до Нью-Йорка?

Самолет взлетел. Он откинулся на спинку кресла, по опыту знал, что уснуть не удастся. Невольно стал прислушиваться к разговору своих соседок. У женщины постарше, сидящей непосредственно рядом с ним, он заподозрил канадский акцент. Ее собеседницу он слышал менее отчетливо, но зато в ее английском почувствовал родной русский. Из разговора он понял, что летели они не вместе, а вот прямо сейчас разговорились, как это могут только женщины в определенной ситуации. Разговор был неинтересный: у женщины постарше муж был болен, видимо, они назвали раньше, чем именно, когда он еще не включился. И вот оказалось, что брат «русской» тоже страдал от этой болезни. И она что только ни делала, чтобы помочь брату. А «канадка» уже обладала панацеей от этого: муж ее почти исцелился. Теперь они договаривались, как канадка переправит ей лекарство из Канады в Чикаго. В Чикаго. Вот и он делает пересадку в Нью-Йорке и после этого летит домой в Чикаго.

Внезапно включился свет: время обеда. Это была его любимая часть в полете. Все-таки немного отвлекает от монотонности. Пассажиры зашевелились, захлопали крышки откидных столиков. К обеду он заказал коньяк.

– Расслабляет, да? – улыбнулась его соседка.

– Да, такой долгий полет из Европы в Штаты, еще и пересадка предстоит, – посетовал он.

– А я лечу в Нью-Йорк к дочери на свадьбу. Выходит замуж за американца. Непривычно, конечно, когда не за своего. Слава богу хоть язык тот же, а то совсем было бы неловко общаться.

Он поздравил ее со свадьбой дочери, согласился, что есть, конечно, отличия в культурах Канады и Штатов. Она улыбнулась и опять повернулась к своей соседке: там было интереснее.

В Нью-Йорк прилетели точно по расписанию. Он распрощался с обеими женщинами, хотя уже знал, что с одной из них ему предстоит лететь в Чикаго. У нужных ворот они и встретились. Она удивилась, он тоже изобразил удивление.

– Вот как? И вы, стало быть, летите в Чикаго? – спросил он ее уже по-русски.

Она еще больше изумилась:

– Какие встречи мне посылает сегодня судьба!

Он предложил ей пойти в бар: скоротать два часа до полета. Она охотно согласилась.

Они заказали кофе, чтобы не сидеть за пустым столиком. В аэропортовском баре было темновато, только у стойки горели и поминутно вспыхивали зеленые огоньки. И он, сидя напротив этой женщины и всматриваясь невольно в ее лицо, находил не ясную ему, но очевидную гармонию этих огоньков с ее зелеными глазами, блеском светлых прядей волос. Глаза ее имели способность как-то быстро менять выражение: от насмешливого до удивленно-доверчивого. «Какой счастливый случай», – все повторяла она, имея в виду встречу в самолете с канадской пассажиркой. «Вы представляете, мой брат...», – и она рассказала ему историю о болезни своего брата, которую он невольно подслушал в самолете.

– Это не счастливый случай, а чудо, посланное вам свыше, за ваше сочувствие и переживания. Ну, как награда, если угодно.

– Чудо? Посланное свыше? Вы верите в чудеса?

– Я верю в то, что все что происходит, не случайно, – он старался говорить как можно спокойнее, так как знал в себе этот пыл прозелита.

Да, поздно, только в сорок два года он пришел к вере в Творца.

– Ну уж и чудо. Все-таки просто счастливый случай, – настаивала она.

– А чудо, наверное, вы представляете себе так: разверзлись небеса и оттуда высунулась рука с пузырьком лекарства. Так?

– Ну хотя бы! – засмеялась она.

– Но Творец скрывает свое присутствие в мире, – вставил он, опять пытаясь усмирить свою горячность.

– Скрывает? Зачем?

– Затем, чтобы у нас был выбор, чтобы мы чувствовали себя хозяевами в этом мире и были ответственны. Поэтому и чудеса происходят ненавязчиво, буднично: через посланную встречу, статью, книгу, сидящую рядом канадскую пассажирку. Словом, обыденно.

– И вы в это верите, как странно, – теперь выражение ее глаз было насмешливым.

– Да, – сказал он серьезно, – именно так. Вот, например, такая история, – продолжал он, – но сначала давайте посмотрим не изменилось ли что-нибудь в расписании, а то так и на свой рейс опоздаем, – и он пошел взглянуть на горящее табло.

«Зачем я ей все это говорю? – подумал он с досадой, – надо бы что-нибудь про фильмы, музыку, что-то интеллектуальное».

Когда он вернулся, она гляделась в маленькое зеркальце, подкрашивая губы. Затем, бросив и зеркальце и помаду в сумку, поставила локти на стол:

– Я вся внимание. Готова слушать вашу историю.

Отступать было некуда.

– Три ученика религиозной школы, – начал он, – как-то решили выяснить: спасет ли их Творец в трудную минуту. Способ проверки был прост: втроем они отправятся в лес без еды и питья. Они молоды, безгрешны, верят в бога, и как Он отнесется к ним, голодным и жаждущим. И вот ушли они в лес, сели под дерево и стали ждать, что же будет. Проходит день, за ним другой, начинает их мучить жажда и голод, но ничего не происходит, никто не приходит на помощь. И один из троих не выдержал: «Вы как хотите, а я больше в этом не участвую». И отправился обратно. Поел он как следует, утолил жажду и решил подшутить над товарищами: собрал в мешок хорошей еды, кувшин с водой и, когда они спали, пробрался в это место и повесил мешок на дерево. Проснулись они поутру и – о чудо! – еда и питье. Поели они и отправились обратно в деревню рассказывать о чуде. Но товарищ их, подшутивший над ними, закричал: «Глупцы! Это же я принес вам мешок с едой и питьем! Неужели вы не узнали мои вещи: мой мешок и мой кувшин». Услышав все это, наставник их сказал: «Да, они правы. Чудо произошло. Это неважно через кого и как Творец содеял это чудо. Надо было выстроить такую

цепочку: одному вдруг расхотелось, он ушел, а потом нужно было сделать так, чтобы ему пришло в голову принести пищу. В этом и есть тайна. Все происходит по Его воле, но через людей».

– Странно, – произнесла она задумчиво, – может, в этом что-то и есть.

– Нам лучше теперь переместиться ближе к посадочному месту, отсюда мы ничего не услышим, – предложил он.

В это время как раз и объявили посадку. Они достали паспорта, взяли вещи и выстроились в очередь, как и все пассажиры. Таинственная атмосфера бара исчезла среди будничной и трезвой сутолоки аэропорта. Она шла впереди, и ему удалось заглянуть в ее билет: сидели они, увы, не близко. В самолете она поделовому пошла вперед, отыскивая свое место, и он успел только произнести: «продолжение следует». Она оглянулась, и глаза ее опять были удивленно-доверчивые:

– А будет продолжение?

ПО БЕРЕГУ ЛЕТЫ

Из здания аэропорта вышли молча, также без единого слова все трое сели в такси. Таксист выдал шутку, но, посмотрев в зеркало на реакцию женщин, осекся. Молча приехали к Ксении, как и было решено заранее. И только дома, накрывая стол к чаю, Ксения, вдруг с досадой бросив кухонное полотенце, нарушила это молчание:

– Да пошла она к черту!.

И все сразу вздохнули, градус напряжения снизился.

– Вот вы, девочки, все-таки лучше знали ее, кажется, с седьмого класса, ведь она такая не была, – высказалась Вера.

– Не с седьмого, а с восьмого, но не в этом дело. Конечно, не только такой не была, а прямая противоположность этому. Она стихи писала. Не пропускала ни одной выставки или фильма, – продолжила Аня.

Ксения опять в сердцах бросила полотенце, полезла в сумку за сигаретой, чиркнула зажигалкой:

– Так ждали ее, так радовались, что ее приезд совпадает с этой замечательной выставкой. А она, – здрасьте, – на выставку не хочу, в музей и театр не пойду. Ну и кати в свою Америку. Америкака!

– Вот насчет стихов, – мягко заметила Аня, – не уверена, что люди, пишущие стихи в молодости, пишут их потом до конца жизни. Она уехала в тридцать пять, прошло все-таки пятнадцать лет; может, перемена места жительства тут не при чем.

– В следующий раз приедет, вообще готовиться не буду, – уже более спокойным тоном пообещала Ксения и вздохнула. – Ну, по крайней мере, встретились. Увиделись.

– Девочки, смотрите, уже шесть тридцать. Ее самолет сейчас, наверное, взлетел.

Самолет набирал высоту, и стюардессы встали в проходах для показа своей бесполезной пантомимы. Кто же это все может вспомнить в минуту опасности? Наблюдая за их движениями, она думала о своих подругах. Бедные девчонки! Ждали, готови-

лись. Немного мы друг друга не поняли... Я не гость, не туристка, которых надо развлекать: я приехала домой. Этот город – мой дом. Мой старый дом. Когда я здесь, мне не нужны музеи. Я видела все музеи мира, все выставки и все скульптуры. Приезжающий в свои места после долгой разлуки чутко прислушивается к себе: годами он что-то страстно хотел увидеть, потрогать, в чем-то убедиться, потому что даже самое некогда привычное стирается в памяти. Так, ни на кого не обращая внимания, прислушивается к себе беременная. Друзья и родственники для пользы и удовольствия несут ей первую клубнику, свежую зелень, разнообразную снедь. А она, неуклюже оправив на себе платье, и отставив в сторонку дары, садится за стол и наливает в блюдце подсолнечное масло. И присутствующие с недоумением и немного с обидой наблюдают за ней. Она же трясет над блюдцем солонкой, макает хлеб в масло. Она ест. И гости вокруг переглядываются и, хмуря брови, улыбаются снисходительно.

Как много нужно увидеть и сделать за одну неделю. К тому же надо исполнить поручение. Может, и начать со скамейки.

В воскресный день, а может, это был праздничный день, – слишком много народу было на улицах, – семейство, нагулявшись по городу, присело в сквере на скамейку. Первым со скамейки спрыгнул шестилетний мальчик, а за ним его младшая сестренка. Он побежал и она, конечно же, побежала за ним. Она почти догнала его, как вдруг он остановился и, не оглядываясь на нее, отвел назад руку: предупреждающий знак. Она остановилась. И тогда брат, сложив руки у рта рупором, заорал в толпу: «Люди! Не ходите! Здесь говно!». Первым из людей прибежал отец. Он быстро присел на корточки и схватил сына за руки: «Что ты, что ты кричишь. Как не стыдно». А тот, отбиваясь от крепких отцовских рук, твердил со слезами в голосе: «Папа, я же хочу хорошего. Для людей. Ты сам говорил». И, удачно увернувшись из рук отца, опять заорал в толпу: «Люди! Не ходите! Здесь кто-то насрал!». Отец насилу утащил его и усадил на скамейку. Это называлось «привести в чувства». Брат размазывал по щекам слезы обиды, причитая «я хотел хорошего», а рядом, безмерно его жалея, сидела притихшая сестренка.

Проверено: наша скамейка на месте. В этом сквере все скамейки опираются на четыре бронзовых завитка, а у нашей всегда было три. Только нога эта без завитка еще больше ушла в землю.

Ресторана под названием «Белые ночи», которое читалось как «Белые ноги» уже нет, а жаль: там подавали замечательный суп. А булочная на месте, и там все так, как было всегда. Готовясь к вашему приходу, девочки, я забежала в эту булочную за сдобной мелочью: булочками с глазурью, а если повезет, то с маком. Вот и сейчас я представила, что не прошли эти пятнадцать лет и мы все те же. Жду вас к чаю. Вы помните наши чаепития? Сколько было читано стихов. Какие философские беседы мы вели, при этом весело иронизируя над собой. Мы были смешливые и мудрые. Мы были молодые.

Нужно еще постоять под аркой на канале, где даже в ветреную погоду всегда тихо. На мосту подышать родным речным воздухом. А потом идти дальше и дальше – «вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты».

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ – ПОМПЕИ

To whom it may concern

Меня зовут Андрей К., художник. Как выяснилось, но это еще не совсем ясно, где-то за пределами нашей и в пределах вашей необъятной страны проживает одна женщина, ушедшая из жизни, о Господи, ушедшая из моей жизни, только из моей жизни, двадцать с лишним лет назад. Мне необходимо ее разыскать. Увидеть и говорить с ней.

Такие примерно он мысленно сочинял письма, понимая с горькой иронией всю безнадежность ситуации: ведь так вышло, что даже имени ее он не знал.

Дорогое Неведомое Ведомство!

Вы спите там, что ли?

Уважаемые Американские Власти! Дамы и господа!

Жду от Вас ответа.

И сам же мысленно сочинял ответ:

Dear Andrew!

Получив Ваше письмо, мы так обрадовались, что долго не могли прийти в себя, поэтому и задержались с ответом. Мы счастливы случаю помочь Вам, как помогаем всем, несмотря на расовые, этнические или письменные принадлежности. *God bless America!* Но помогите нам, чтобы помочь Вам. Кто она, кем Вам является. Нам необходимо знать ее первое имя, и не в последнюю очередь – последнее. Вы жили вместе или отдельно? А также анкеты, справки...

Дорогие Американские Власти!

Вы спрашиваете, кем она мне является, а также анкеты, справки...

Она мне является собой, теперь все чаще и чаще в моих снах. В белой вязаной шапочке, в которой она была в тот далекий январский вечер. Что же касается ее имени, то лучше этого со-

всем не касаться. Мы жили отдельно, в месте, в городе, в том единственном городе, где чередуются дожди и туманы, туманы и опять дожди. Снег там лежит долго. Совсем не тает, а превращается из белого в черный.

А блеснет солнце, и видишь, как нежно в каменном овале сияют крепость и Нева.

«Странно, – говорил отец, – кому это пришло в голову – продать старинные карты». Отец был коллекционером и ценителем всякой старины географического толка. «Вот, смотри, объявление. Продается старинная карта Испании. Я уже звонил. Сделай одолжение, Андрюша, поезжай, купи. Это правда, далековато, в центре».

Он согласился. Позвонил, назначил встречу.

Женщина, открывшая ему дверь, была приблизительно его возраста, и своим обликом походила одновременно и на школьницу и на учительницу. Она провела его в просторную комнату, заставленную коробками и ящиками. И было непонятно: то ли люди наполовину уже запаковали вещи, то ли наполовину распаковали. Хозяйка говорила об истории этой карты, а он, пытаясь не смотреть на нее, и думая, что ему это удастся, смотрел не отрываясь. Он едва слушал ее рассказ, думая, что вот так не бывает, это как удачно найденный цвет или линия. Ее голос и весь ее облик, будто знакомый, будто единственно нужный. Так он искал однажды цвет для своей картины. Все его не устраивало. И вдруг, выйдя на балкон в доме своей тетки в Гатчине, он увидел небо вот этого единственно нужного цвета. А хозяйка карты тем временем говорила, что у ее дяди дома – здесь недалеко – есть еще всякая всячина, очень любопытная для коллекционера, но не в таком идеальном состоянии, и она все это просто отдаст, если ему интересно. Ему, конечно, было очень интересно, хотя он ничего не смыслил в этих вещах. Она тут же позвонила дяде. Дядя был на работе, должен был вернуться к восьми часам. А было только пять. Она говорила, что если он желает подождать, то может оставаться здесь, а она отлучится ненадолго. У нее на Невском есть кое-какое дело. Но он напросился ее сопровождать, чтобы скоротать время до прихода дяди. Она согласилась, быстро вышла из комнаты и вернулась в пальто и белой вязаной шапочке. «Делом» оказалась покупка пирожных в «Севере». Он подумал, что давным-давно не был в этой кондитерской. По-

следний раз, наверное, школьником с мамой. Народу было много, не протолкнуться, но и продавщиц тоже много. Он занял наблюдательный пункт прямо на ступеньках у выхода, пока она стояла в очереди. Здесь он явно был не на месте и всем мешал. «Молодой человек, либо спуститесь вниз, либо поднимитесь наверх», - посоветовала старая женщина в облезлой каракулевой шубе с лицом, «каких больше уже не делают», но которые еще иногда встречаются в городе Ленинграде. Он извинился, сошел вниз только ради этой старушки, а когда она ушла, опять занял свой пункт наблюдения. Ему нравилось смотреть, как ловко и быстро работают продавщицы. Пальчиками с алым маникюром держа щипцы, они ловко хватают пирожное за бока, двигают его внутри коробки, освобождая место для других. Два круговых движения – и коробка завязана. Специальными ножницами перерезают пуповину, отделяя завязку от основной веревочной бобины, и новорожденная коробка уплывает в руки покупателя.

Они вышли на улицу. Как быстро начинается вечер зимой. Они совсем недолго пробыли в кондитерской и вышли в синеющий вечер с тихо падающим снегом.

Она говорила о книге какого-то немецкого профессора о детских страхах, которую недавно прочла, а он мучился от того, что так и не уловил ее имени, а теперь спросить было неудобно. Можно, конечно, пойти на хитрость: назвать любое, она поправит, но и это как-то не годилось.

– А у вас какие страхи были в детстве?

– Даже не припомню. Я не боялся темноты или высоты. Ах, да, можно сказать, что я боялся учительницу русского языка.

– А меня пугала в детстве моя сестра, – рассказывала она. – Родители уходили в театр или в кино. Обещали принести что-то вкусное. И, правда, даже простое песочное кольцо с осыпавшимися орешками, завернутое в салфетку и доставаемое из материнской театральной сумочки, казалось волшебным. Родители уходили, и тотчас гас свет. И она, боясь пошевелиться, просила сестру: «Перестань! Где ты? Выходи». Но было темно и тихо. Тогда она повторяла все беспомощней и тревожней: «Выходи, слышишь». И только когда в ее голосе уже слышались слезы, сестра вдруг внезапно брала ее за руку: «Думаешь, я Светка? Я – баба Яга».

– Вообще, – подытожила она, – в детстве многое пугает: бежишь так ночью из туалета, прыгнешь быстренько в кровать, накроешься с головой и радуешься, что по дороге тебя никто не съел.

К его великому сожалению, дядя вернулся с работы, одарил его всяческими географическими ценностями, от которых отец позднее пришел в полный восторг, и они расстались.

Он выждал неделю, придумал предлог и позвонил. На звонок никто не ответил. Он приехал. Квартира молчала. Соседка, спустившаяся сверху, на его вопрос ответила неопределенно: «Уехали. Куда? А куда все теперь едут, туда и уехали. Навсегда. Уже приходили новые жильцы, скоро вселятся». То же примерно сказали и у дяди.

Так и остались в семейной хронике белые пятна: отчего это он в тридцать лет «начал сходить с ума», по выражению отца. Через две недели после посещения ее квартиры «на такой хорошей работе», по мнению отца, удовлетворили его «собственное желание», и он вышел в открытый космос. «Впереди густой туман клубится и пустая клетка позади». Он ушел с работы, надел множество глупостей, потом работал до одурения, сделал выставку; наконец, по настоянию родителей, уехал на юг: отдохнуть и привести себя в порядок.

Вернувшись через некоторое время, он почувствовал, как изменилась жизнь вокруг. В переходах метро стояли старушки, словно в провинции на полустанке, и чем-то торговали, тогда как в магазинах не торговали ничем. По телевизору объявили, что на геополитической карте мира появилось новое государство – Республика Казахстан. Состоялся первый чемпионат мира по футболу среди женщин. Двадцать пятого декабря тысяча девятьсот девяносто первого года у художника была свадьба. В этот день Президент Михаил Сергеевич Горбачев подал в отставку.

Своим сыновьям-близнецам на вопрос, как они с мамой познакомились, художник рассказывал романтическую историю, полуправду, полу-вымысел.

Мечтой художника всегда была поездка в Италию. Особенно его завораживала история города Помпеи. Но, расходясь с женой буквально во всем, он не был уверен, что она согласится на эту поездку. У них за долгую совместную жизнь был свой способ согласования интересов. Каждый писал на отдельной бумаге, не показывая друг другу, свои приемлемые варианты решения проблемы. Затем сверяли написанное. Если хотя бы один вариант совпадал, он и был решением. Зачастую его вариант под номером один стоял у нее последним. Или даже в отдельном столбце как запасной и маловероятный. И впервые в жизни на этот раз номер один у них был общий: Италия.

В августе они дождались результатов экзаменов: близнецы поступили в медицинский. И тогда они вдвоем отправились в путешествие.

Рим, Сорренто – две волшебные недели. А вот в Помпеи он поедет один. Жена уже насмотрелась на развалины в Риме. Она не хотела в Помпеи. Она хотела теперь как белый человек... Целый автобус таких белых людей отправлялся куда-то за сувенирами. Хозяйственная его жена вела записи и, не склонная к парадоксам и игре слов, среди всяческих пометок о подарках, размерах, маршрутах, обозначила деловито: первый день – Рим, последний день – Помпеи. Да, это был их последний день в Италии, для этой поездки он выбрал специально двадцать четвертое августа – день гибели Помпеи.

Было жарко. Но он все бродил и бродил по этому пепелищу. История эта поражает воображение: был обычный день – двадцать четвертое августа – много веков назад, и этот день застыл на месте, как в детской игре «Замри». Не все поглотила лава. Вот дом хирурга, богатого человека: фрески, гостиная, задний дворик. Почти полностью сохранился Форум, театр. Художник все бродил по городу и не хотел с ним расстаться. Было много экскурсий на английском языке, но понимал он неважно. Он остановился около одной группы, где гид, хотя и говорил по-английски, был явно итальянцем, и такой английский – с итальянским акцентом – понимать было проще.

Это была группа американцев. Он слушал гида-итальянца и при этом пристально рассматривал эту группу, стоящую полукругом. Их было человек пятнадцать, и та, что замыкала полукруг, стояла чуть отдельно, наклонив голову, то ли думая о чем-то, то ли внимательно слушая. И вдруг августовский жаркий воздух Помпеи сгустился, пошел легкий снежок, и он явственно увидел себя, весело жестикулирующего, идущего «шагами назад», и ее – в белой вязаной шапочке с нарядной коробкой пирожных в руках. И на мгновение опять явилось то чувство, название которого он не знал, но которое потом – во всю жизнь – так больше никогда не повторилось. Он прислонился к каменной ограде и подождал, пока все встанет на свои места. Экскурсовод закончил свой рассказ, и группа американских туристов потянулась к своему автобусу, а та, что шла последней, вдруг остановилась, подняла руку, слабо защищаясь от солнца, слегка улыбнулась ему и быстро пошла догонять свою группу.

СОВСЕМ ДРУГАЯ ЛИНИЯ

Гости разошлись поздно, а дочь с зятем еще оставались по-мочь привести все в порядок. Теперь в их присутствии она научилась молчать. Или, если молчать было совсем уж неловко, отделялась незначительными фразами, чтобы не давать повода для нежелательных раздоров. Однако повод всегда находился.

– Какой все-таки молодец наш Гриша. Чудесная выставка. Я так за него рада.

Незначительное замечание. Но зять словно ждал сигнала.

– Одна выставка под конец жизни. Головокружительный успех! - зло проговорил он.

– Ну почему же под конец? У него еще много выставок впереди.

Таня, заметив неладное, тут же попросила мужа вынести мусор. Он неохотно согласился.

– Мама, ну что ты все к нему придираешься? – воскликнула Таня гневно, едва ее муж вышел. – Ведь он совершенно прав: не такой уж это большой успех. Такой прием ему устроила, как будто он Нобелевскую премию получил. И дифирамбы такие ни к чему.

Зять вернулся, и они замолчали. Он налил себе чаю, отрезал кусок оставшегося торта. Таня в который раз ставила одну чайную чашку на другую. «Никакой помощи не предвидится», – подумала она, хотя знала это заранее. Когда же это началось? Давно.

До свадьбы уже были небольшие симптомы, на которые она не хотела обращать внимания: их с Таней домашние шутки, любимые, только им понятные словечки, которыми они обменивались при встрече, теперь дочерью не воспринимались. Она как бы стеснялась всего домашнего перед мужем и его семьей. Семья эта была нацелена на успех. Иначе зачем они эмигрировали в Америку? Серьезный профессиональный успех, а вся остальная жизнь - лишь прикладное к этому успеху. А ведь еще совсем недавно Таня весело под руководством Гриши, друга семьи, создавала шуточные скульптурные группы. И так замечательно у нее

получалось. А еще Таня с девическим пылом объясняла друзьям, что творчество в жизни – превыше всего. Творчество как жизненный процесс важнее даже результата. И страшно прожить жизнь вслепую, ничего не поняв, углубившись только в профессию.

Это были их общие ценности. «Теперь же общение с дочерью и зятем, – думала она, – все больше походит на переговоры с террористами: ты обязан принять их условия целиком, иначе ... А твоими доводами, а тем более чувствами, они не интересуются». И она в их присутствии чувствовала себя ненужной, и боль по утраченной душевной близости с дочерью ни на минуту не оставляла.

Несколько лет назад предложение соседа, профессора русского языка, она сначала приняла без энтузиазма. Профессор советовал ей давать студентам частные уроки русского языка. По случайному стечению обстоятельств этот профессор оказался их соседом. Сам ирландского происхождения, не имеющий русских корней, он в еще молодости заинтересовался русским языком, и это стало его профессией.

Подумав, она все-таки согласилась. Профессор дал ей немало дельных советов.

«Русский язык – очень сложный, – говорил с легким акцентом этот американец, – студенты, даже самые талантливые, усваивают его с большим трудом. Даже после трех-четырех лет изучения они все еще вместо “были” и “спали” пишут “выли” и “срали”».

Все это было чистой правдой. Лучший ее студент на втором году обучения писал: «Моя мама умерла рано, когда ей было всего десять лет».

Начав заниматься новым делом без особой охоты, теперь она полюбила эти уроки. И после основной работы эти занятия были для нее отдыхом.

Она хотела написать подруге о той оплошности, которую она допустила на последнем уроке. Это было всего третье занятие с новым студентом. «Он, должно быть, из Китая», – увидев его, решила она. А про себя продекламировала один из своих любимых стихов: «Она летает, приседая, она, должно быть, из Китая».

Языка он не знал совсем, но хотел, конечно же, в подлиннике читать Достоевского. Как водится. Как все. Урок, понятно, сразу не начинается: сначала надо немного поговорить на общие темы по-английски. Эта прелюдия к уроку у них как-то затянулась, и она сказала, что, мол, хватит болтать, на счет «три» начинаем

урок. И скомандовала: «И, ар, сан!». Студент посмотрел на нее с удивлением. Она опять выкрикнула и даже взмахнула рукой: «И, ар, сан!». Он еще раз взглянул на нее, не понимая. «Это же раз, два, три по-китайски», – растерянно произнесла она. Его узкие глаза совсем превратились в щелочки, он с хохотом бил себя по колену, что-то при этом повторяя. «Что?, – не поняла она, уже и сама начиная смеяться. – Что?» «Я кореец», – расслышала она сквозь его смех. И он все повторял с разными интонациями: то обиженно – «я же кореец», то с шутливой гордостью. И она, скрывая неловкость, хохотала вместе с ним.

Вот этой смешной историей она хотела поделиться с подругой и теперь, сев к компьютеру, вдруг наткнулась на давнее свое послание: «...Таня встречается теперь с новым молодым человеком. С Джимом они расстались. Это, конечно, печально: я любила Джима. Такой умница. Но зато новый молодой человек из России. Ты представляешь? Все-таки это совсем другое дело – говорить на одном языке! Да, и семья значит немало. Словом, свои. Я так рада ...!».

Она задумалась на минуту. Так вдруг захотелось позвонить дочери. Рассказать про смешную эту оплошность. Вместе посмеяться, как бывало. Прорваться. Достучаться. «Нет, – подумала она с горечью, – нельзя. Это только вызовет ее раздражение... Откуда же этот студент-кореец?». Она вспомнила опять, как они вместе хохотали, как он бил себя по колену. «Ах, да, он же сказал: из Сеула!» – вспомнила вдруг она.

ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ

Апрельским светлым днем сидела она в сквере за столиком кафе и сочиняла стих «на случай». Она хотела закончить его, пока не появится ее подруга, которая и заказала этот стих. Подруга работала рядом с кафе, в госпитале, и должна была вскоре появиться. Она звала ее доктор Кей, как это принято в Штатах в медицинском коллективе: доктор плюс первая буква имени или фамилии. Надо было торопиться: Кей вот-вот придет. В это время дня, – как любила говорить сама Кей, – она «имела ланч». Стих был почти готов, но она хотела заменить пару слов, которые в угоду ритму, читались с неправильным ударением. Информации для стиха было немного: как-то на работе Кей, пытаясь что-то найти в сумке, поочередно вытаскивала из нее одну вещь за другой. Среди вещей оказалась простая прищепка. За этими ее действиями наблюдал коллега, – один из трех русскоязычных докторов в этом госпитале. Увидев прищепку, коллега воскликнул: «Ой, прищепка! Она напоминает мне дачное детство в Комарово!». «И при этом он чуть не заплакал», – рассказывала Кей.

Вот и все. Из всего этого требовалось создать поэтический шедевр, призванный покорить сердце доктора.

Задумавшись над стихом, она смотрела как бегают в скверике дети. Собаки «различной формы и длины» резвились тут же. Ее внимание привлек странный человек: в такой теплый день одет он был в потертое замшевое пальто с мехом и тяжелые сапоги. Всем своим видом он нарушал идиллию богатого пригорода. Он переходил от одной скамейки к другой, и по реакции людей она поняла, что он просит деньги. Кто-то отрицательно качал головой, некоторые открывали сумочки. У нее с собой денег не было, и она подумала, как неудобно будет отказать нищему. Тем временем он подошел к ней с тем же вопросом.

– Знаете, – неожиданно для самой себя нашлась она, – у меня только кредитные карты, если вы заинтересованы приобрести что-то в кафе, то мы можем это сделать прямо сейчас.

Нищий согласился на это предложение. В кафе он заказал капучино, апельсиновый сок, большой сэндвич с ветчиной и два пирожных. Когда она уже расплачивалась, прибавил еще ко всему толстую газету «*Chicago Tribune*».

– Ищу работу, – пояснил он.

Они вышли вместе. Он расположился за столиком напротив, не сказав ей больше ни слова. «А где же поток горячей благодарности со слезами на глазах?», – подумала она.

Свою подругу она заметила издалека. Розовая униформа очень ей шла. Когда она принесла себе кофе, приступили к стихам.

– Вот, слушай:

Мы грубы, не чутки, мы просто другие.
Совсем не подвержены мы ностальгии.
А доктор Серов – утонченный, некрепкий,
Вчера разрыдался при виде прищепки;
Рыдает он также при виде галоши,
Портянок ему не показывая тоже.
И может он просто дойти до экстаза,
Завидев лишь краешек медного таза.
При нем не носите трусы из сатина,
Пижаму из байки, пальто из ратина.
Не выдержит доктор такого удара
При виде до боли родного товара!
...а ночью наденет халат темно-синий,
какие уборщицы в школе носили,
уткнется в подушку и шепчет: Россия...

– Отлично! – похвалила Кей. – То что доктор прописал. Я тебе так благодарна!

– А доктор Серов не обидится за такие стихи?

– Нет, что ты! Он же неумный. Он будет польщен, что ему посвятили стихи. «Мой» талант предназначается для доктора Ди, а не для Серова. Помнишь: «...и вовсе не для него я там сидела в розовом платье».

– Бедный доктор Серов! А у тебя всё романы..

– Какие романы в нашем возрасте! Просто флирт, который, кстати, очень украшает суровые медицинские будни. А вот про тебя твой сосед-алкоголик правильно сказал еще в России, что ты «не от мира всего».

Они вместе рассмеялись.

– Между прочим, этот алкоголик – кавалер трех орденов славы или даже четырех, не помню. Это большая редкость. Когда приходили пионеры, он выносил все свои ордена – полную коробку из-под печенья «Ленинград». Рассказывал, как боялись его немцы, дрожа от страха, передавали: «Ахтунг! Ахтунг! Петрович в поле!».

– А знаешь, – улыбнулась Кей, – что на втором курсе про тебя сказал Андрей?

– Андрей про меня что-то говорил? Правда?

– Он сказал: я бы занялся ею, – это тобой, – но для этого надо пройти с ней через все залы Эрмитажа, а их много. У меня нет столько времени. И еще неясно, что в конце.

– Почему же ты мне раньше не сказала?

– Тогда это тебя бы обидело, а сейчас ведь даже приятно.

– Да, ты права: приятно. Я тебе так благодарна за это воспоминание.

– Посмотри, – вдруг заметила Кей, – какой странный человек, вон там с газетой.

– Это нищий.

– Нищий? Как странно. В этом пригороде всегда так, будто все готово для съемки: безупречные дети, цветы, не лающие собаки. И нищие с профессорскими лицами. Ну, мне пора.

Кей аккуратно сложила листок со стихами, чмокнула подругу в щеку:

– Спасибо самое большое, какое только может быть. О результате произведенного неизгладимого впечатления сообщу вечером.

Кей ушла, а она еще немного посидела, допила кофе и поспешила к выходу. Проходя мимо нищего, все еще сидевшего за столиком с газетой в руках, она пожелала ему приятного аппетита.

– И это всё? – неожиданно произнес нищий. – А где слова благодарности?

И видя ее растерянный вид, добавил:

– Ведь не каждый день удастся встретить человека, которому так щедро можно помочь, почти не затратив ни душевных, ни материальных ресурсов. Словом, как говорится, сама не заметила, как исполнила волю божью. Ведь так?

УЗЛЫ ЛУНЫ

Воскресенье неожиданно позвонила Сенина сестра. Она долго жаловалась на Сеню: «так жить нельзя, снимает какое-то полуподвальное помещение, там невообразимая грязь. Беспорядок. Ему скоро тридцать семь лет. Ни жены у него, ни любви. А недавно пришли крысы и съели Сенины джинсы». Умоляла на него повлиять. Они с Сеней были приятелями, но не близкими, и ее выбор приятно удивил его. Значит, она разглядела в нем что-то особенное. Позднее узнал, что с просьбой повлиять на брата она звонила всем подряд. Он хорошо понимал, о чем она говорит. Всего один раз ему довелось побывать у Сени в его полуподвальной квартире, но этого оказалось достаточно, чтобы признать ее правоту.

Как-то после обильного застолья он, слегка нетрезвый, вышел вместе с Сеней из ресторана. Был теплый август. Время белых ночей прошло. Мосты в этот час были разведены, и попасть домой не представлялось возможным. Тут Сеня и предложил переночевать у него. «Здесь недалеко, – объяснил он, – на Кирочной». «На Кирочной?», – удивился он. «На Салтыкова-Щедрина, – поправился Сеня, – бывшей Кирочной. Но не от слова кирять, а от немецкой кирхи, которая здесь была когда-то». Малопьющий Сеня повел его к себе домой, буквально взяв за руку, как он сам каждое утро водил дочку в детский сад. Сеня открыл дверь, не включая свет, а может, у него свет никогда и не включался, провел в темноте в комнату и, легонько толкнув со словами «здесь диван», исчез. Диван был холодный и почему-то немного влажный. Он поднял с пола какую-то тряпку, вероятно, упавшую штору, завернулся в нее и тотчас уснул. Проснулся он внезапно. Прямо в самое его ухо громкий женский голос объявил: «Следующая остановка – Таврический сад». Он стал выпутываться из шторы, бился в ней, как, вероятно, бьются буйно помешанные, и наконец одолел. Освободившись, он подошел к раскрытому настежь окну, сделал шаг и очутился на троллейбусной остановке. Подошел троллейбус. Двери его раздвинулись в резиновой, приглашающей улыбке,

но никого не было на остановке в этот предрассветный час. Знакомый женский голос напомнил о Таврическом саде. Он вернулся в комнату тем же путем, закрыл окно и пошел искать хозяина. Комнат в квартире было всего две. Войдя в соседнюю, он увидел спящего на кровати Сеню. Голова его была сильно запрокинута назад, острая бородка смотрела в потолок, и спящим он напоминал товарища Дзержинского.

Посередине комнаты стояли огромные напольные часы. У часов этих, вероятно, было много функций и обязанностей в этом доме. Сверху свисали футболки, трусы и даже змеился развязанный желтый галстук. На единственной поверхности часов стояла тарелка с каменными макаронами и открытая банка консервов. Больше никакой мебели в комнате не было. Недостаток мебели был с лихвой компенсирован избытком посуды. Тут были миски, мисочки, банки и, как граф среди простонародья, причудливой формы бокал. Разная по форме, эта посуда поражала, однако, однообразием содержимого: это была бурая от времени смесь с воткнутыми в нее сигаретными окурками. Он не стал тревожить гостеприимного хозяина. Выйти он решил в дверь, но как ни пытался ее открыть, дверь не поддавалась. «Надежно запирает хозяин свои двери от грабителей», – подумал он с улыбкой и вышел в окно.

И вот теперь ему надлежало, как он обещал Сениной сестре, поговорить с ним.

Сене тридцать семь лет. И тут он вспомнил о Лунных Узлах. Об этих Узлах рассказала ему бывшая его девушка, с которой он расстался много лет назад. Необычные были у нее интересы. Ее занимала астрология, паранормальные явления и тому подобные странные вещи. Когда он говорил слово «мистика», она очень горячилась, пытаясь ему что-то объяснить, что было неподвластно его разумению. «Нет никакой мистики, – говорила она, – есть самое реальное устройство мира, как машина, скажем, или пылесос. Это все реально». И, действительно, у нее имелись специальные астрологические таблицы, выпущенные каким-то вполне уважаемым научным обществом, которые она постоянно читала. Каждая страница этой книги представляла собой ровные столбцы цифр, на которые она разнообразно реагировала, как будто читала увлекательный роман. Порой, глядя в эти цифры, она зажимала ладонью рот, восклицая: «Какой ужас!». Порой весело смеялась, и тогда он заглядывал ей через плечо, ища каких-либо

намеков на такое веселье, но видел лишь ровные столбцы цифр. Но про Лунные Узлы он почему-то сразу поверил и запомнил. У каждого человека присутствуют эти загадочные Узлы. Это ориентиры его судьбы. Они повторяются каждые восемнадцать лет от момента рождения. Первый раз в возрасте восемнадцати лет судьба еще не устраивает жесткую проверку человеку. Но в тридцать шесть – тридцать семь лет – другое дело. Каждый человек, вспомнив этот возраст, если его уже прошел, обнаружит очень важные события, которые случились с ним: женитьба, рождение детей, болезнь, перемена карьеры. Психологический переворот, наконец. Все может случиться, вплоть до смерти. В этом возрасте ушли из жизни Пушкин, Маяковский, Белинский, Байрон. Через девять лет узлы в противофазе, что тоже важно. Следующее их появление в возрасте пятидесяти четырех-пятидесяти пяти лет. Но в тридцать шесть – тридцать семь – самый строгий спрос.

Сестра сказала, что Сене теперь тридцать семь. Грядут перемены. Он придумал причину: ему нужна редкая книга, которая могла быть только у Сени, и заявился к нему. Сеня неожиданно встретил его в чистой футболке. И было абсолютно ясно, что и штаны, которые на нем, только что приобретены. Его предположение довольно быстро подтвердилось, стоило Сене повернуться к нему спиной: из заднего кармана свисала бирка с ценой и размером. Но это еще не все: Сеня был чисто выбрит, даже исчезла борода. Комната уже не поражала количеством посуды, а из мебели появился небольшой столик. «Зачем я здесь? Наверное, появилась женщина», – предположил он.

– У тебя, я смотрю, перемены.

– Да, вот купил себе новые штаны. Ты знаешь, мои единственные джинсы съедены.

– Как? – удивился он, хотя уже слышал это от сестры. – Расскажи.

– Пришел я вечером домой, – начал Сеня, – разделся, поставил джинсы у двери.

Он посмотрел на серьезное Сенино лицо и рассмеялся: «поставил». Он помнил эти джинсы. Давно уже их материя превратилась в какую-то другую субстанцию, состоящую из жиров, белков и углеводов, а также различных соусов. Съедобную субстанцию. Все это затвердев, сделало их негнушимися. Вот он их и «поставил».

– ...уснул я, - продолжал Сеня, – а проснулся от какой-то возни в углу. Сначала ничего не было видно. Пригляделся, смотрю: огромная крыса ворочает мои джинсы. Раскладывает, разглядывает, нюхает. Такая деловая. Как портной. Кажется, у нее даже очки были на носу. Я долго смотрел на нее, как она управляет с моими штанами. А потом стал шарить под кроватью в поисках ботинка. И как шарахнул в нее... И ты представляешь, – удивленно говорил Сеня, теребя подбородок – привычка, оставшаяся со времен ношения бороды, - она не очень испугалась. И прежде чем скрыться, посмотрела на меня как на полное ничтожество».

Он возвращался от Сени и думал о том, что миссионер-то он неважный. Никогда бы он не решился говорить с Сеней о его неправильном образе жизни, поучать, как просила его сестра. Тридцать семь лет – критический возраст. Грядут большие перемены. Возвращаются Лунные Узлы.

ПАДАЕТ СНЕГ

После концерта он сел в машину, но от волнения сразу поехать не смог и решил немного подождать. Он видел, как негромко переговариваясь, расходится народ. Затем уже последним вышел сам Сальваторе в сопровождении двух волонтеров, привезших его на концерт. А у него в голове все еще звучали давно знакомые слова:

*Tombe la neige
Tu ne viendras pas se soir*

Перед исполнением Сальваторе вспоминал: «Я не ожидал, что так известен и популярен среди русских. Это для меня большой сюрприз. Много лет назад, когда я, будучи совсем молодым, давал концерт в Ленинграде, ко мне подошла юная пара, и девушка посоветовала изменить несколько слов в песне “Падает снег”. Причем это было так кстати, так тонко надо было чувствовать французский язык. Я был потрясен и действительно хотел сделать эти изменения, но меня удержал продюсер: уже была выпущена пластинка».

И ему, сидевшему в зале и слушавшему это признание, хотелось крикнуть: этой юной парой были мы! Это моя девушка так хорошо знала французский! А после концерта они могли бы вместе зайти к артисту и вспомнить этот вечер. Могли бы. Вместе. Если бы по-другому сложилась его жизнь.

Почти все машины уехали. Он посмотрел вокруг. Почему так мало скамеек? Потому что теперь другая жизнь, и все безумно спешат? Он присел на какой-то, непонятного назначения столбик, торчащий из асфальта, достал сигареты. Летний вечер был теплый, безветренный. Начинало темнеть. Вот в такой же вечер много лет назад он спрятался в зарослях сирени, тогда как...

На втором курсе их послали «на картошку». Картошкой оказался турнепс – овощ непонятного происхождения. «Надо проверить из какого семейства этот овощ. Этот овощ еще тот

фрукт», - шутили студенты. Поселок был живописно расположен на берегу мелкой речушки, пригодной, однако, для купания. Радуюсь великолепной погоде, каждый вечер после работы студенты устраивали костры с танцами и песнями под гитару. На головах у девочек были сплетенные из цветов и трав венки; на реку ложилась светлая лунная дорожка: все атрибуты веселого студенческого рая. Портило эту идиллию одно грозное слово: местные. Они появлялись всегда внезапно. Всегда втроем. А главным у них был уже довольно взрослый человек, лет тридцати, Мишка-уголовник. Был он уродливо татуирован: руки, шея, даже голова, бритая наголо. Мишка только недавно «освободился». Говорили о нем разное: будто было у него охотничье ружье, дал он это ружье кому-то поохотиться, а из него убили человека. Мишка же, безвинный, пошел как соучастник. Разное говорили о нем. С появлением этой банды обрывались шутки, сам собою гас костер и, словно чья-то рука скатывала светлую лунную дорожку. Но для него появление этой троицы было особенно неприятно. И даже опасно. «Будь осторожен, – говорили ему ребята, – Мишка, кажется, “положил глаз” на твою девчонку». И действительно: едва появившись, Мишка искал их глазами и тут же, рассекая ладонью воздух, как бы разделяя пару, усаживался между ними. Если они танцевали, Мишка как-то особенно унизительно оттирал его плечом, сам, однако, не танцуя. Только ухмылялся, наслаждаясь его растерянностью: то ли продолжить танец, то ли уйти. Еще для него было оскорбительно, что то ли сам придумав, то ли не поняв довольно сложного имени его девушки, Мишка называл ее Кристалиной. И от этого Мишкиного самовольства он приходил в бешенство. Но, пожалуй, самое обидное заключалось в другом: когда наедине с ней он справедливо замечал «что нужно от нас этому уголовнику?», она как-то хмурилась и просила: «не говори так».

Сезон «картошки» подходил к концу. Вечера становились прохладнее. И в один такой вечер ребята решили не собираться у костра, а заняться своими делами – написать письма, привести в порядок вещи. Быстро покончив с такими делами, он вышел немного пройтись перед сном. И сам не заметил, как оказался на дороге, ведущей к домику, где жили девочки. Надо было пройти минут пятнадцать по пыльной дороге, и там, за густыми зарослями сирени, было их жилье. Подойдя ближе, он так и застыл в кустах. Отсюда слышны были угрожающие вопли:

– Спалю дом к едрене-фене! Выходи, Кристалина! Поджигай-ю!

Он пригнулся в кустах, сердце его бешено колотилось. Осторожно высунув голову, он увидел: Мишка стоял на крыльце с большим клоком сена в руках, собираясь это сено поджечь. Что делать? Наброситься на него сзади? Нет, это невозможно, силы слишком неравны. Бежать в поселок, позвать ребят? Ничего не годилось.

«Спокойно, – сказал он себе, – надо включить логику. И без эмоций. Он не посмеет, не подожжет. И она, конечно, не выйдет. Ничего не произойдет. Попугает и уйдет. А если поднять панику, тогда точно будет хуже». Так он себя уговорил и под Мишкины вопли выбрался из кустов и быстро побежал обратно. Эту ночь он провел без сна, воображая страшные сцены, и утром первым пришел к месту сбора. Он всматривался в лицо бригадира, пытаясь отыскать какие-то намеки на ночное происшествие. Но бригадир был угрюм как обычно. Вскоре, позевывая и поеживаясь от утреннего холодка, появились девочки. Среди них была и она. Как ни в чем не бывало. И ему стало легче. И только немного разойдясь, после обычных утренних шуток девочки рассказали, как вечером ломился к ним Мишка, как угрожал поджечь дом, требуя, чтобы вышла «Кристалина». Они ее, конечно, не пускали. Но Мишка так бушевал, так угрожал! И она вышла, хотя все были против. О чем-то Мишка с ней недолго говорил, а после этого убрался. Вот и все. Она не хочет рассказывать, что произошло. И не надо к ней приставать: не каждый день человеку приходится стоять лицом к лицу с уголовником. Так решили девочки. Они, конечно, умолчали о том, как от радости, что она вернулась и все обошлось и от возбуждения они долго не могли уговориться. И, развеселившись, предлагали свои сценарии происшедшего:

– Девочки! – размахивая руками и прыгая на койке, предлагала одна: – Они пошли по дороге...

– Нет, – перебивала другая, – это «маловысокохудожественно», надо так: «сердца их дрожали в унисон». Начитанные студентки цитировали Зощенко и Набокова.

– Нет, – продолжала первая. – Они пошли вместе. И там, на проселочной пыльной дороге, Мишка припал на одно колено: «Любовь моя, Кристалина!» – и вытащил из-за голенища золотое кольцо.

– Да нет же, – пыталась дать свою версию еще одна, – это не

про любовь совсем. Мишка позвал ее «на дело». «Мне нужны такие как ты, Кристалина! Мужественные и смелые!».

Девчонки поглядывали на нее, все еще сидевшую на краешке кровати, на ее белокурые волосы, на легкий голубой сарафан в белый горошек и хохотали. И она смеялась вместе с ними. Затем возвестив: «город может спать спокойно», легла, отвернувшись к стене. И они дружно решили оставить ее в покое.

Выслушав их рассказ, он пришел в ярость. Она вышла? Зачем? Одна?

Пусть скажет ему правду, он-то не отстанет. Что произошло? Он имеет право знать правду.

– Разговор с Мишкой, конечно же, велся по-французски, – язвительно предполагал он.

– *Certainement*, – отвечала она.

– Что тебе этот Мишка?

Она отшучивалась. Театрально закатывая глаза, декламировала: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?».

Отношения их портились день ото дня. Ко времени возвращения в город они едва разговаривали между собой.

Лето кончилось. Начались занятия. Но они так и не помирились. И однажды он не выдержал: заявился к ней без предупреждения. Пусть расскажет правду перед тем, как расстаться навсегда. Она не возражала: да, пожалуй, теперь можно.

– Кристалина! – вопил Мишка. – Выходи, а то подожду!

Девочки не знали, что предпринять. Наконец, двое предложили выйти вместе с ней. Самая решительная, чуть приоткрыв дверь, заявила храбро:

– Мы выйдем втроем!

– Брысь! – гаркнул Мишка и выставил сапог.

Дверь быстро закрылась.

– Поджигаю! Выходи! – не унимался Мишка.

И тут она вышла. На секунду он опешил, и они молча стояли друг против друга. Затем он отшвырнул клоч сена и мотнул головой в сторону дороги:

– Пройдемся.

– Холодно. Я только куртку возьму.

– Напарить хочешь?

– Нет, вернусь.

И вышла в накинутаю на плечи куртке.

– Всем оставаться на местах! – заорал Мишка в сторону домика. – Вы окружены!

И они пошли вместе. Он, взметая сапогами дорожную пыль, и рядом она, ни жива ни мертва. Очень скоро Мишка остановился.

– Скажи, – проговорил он миролюбиво, – какое значение играет этот...тип в твоей жизни?

– Он мой друг, – почти шепотом произнесла она. И слегка кашлянув, добавила, – близкий друг.

Он помолчал. И вдруг сильно кулаком одной руки ударил в ладонь другой:

– Думаешь, я зря сидел, да? Думаешь, зря? Я людей изучил! Насквозь вас всех вижу! Не ходи с ним, понял! Предаст он тебя, натурально, понял. По физии его вижу – предатель он. Натурально, говорю. Не для тебя он. Понял? – напирал Мишка.

– Понял, – прошептала она, леденя от страха.

– Давай иди теперь, – он усмехнулся, глядя на нее. – Чего стоишь? Иди давай, говорю.

Она пошла не оглядываясь, все ускоряя и ускоряя шаг, а потом побежала.

– Остальное ты знаешь, – закончила она свой рассказ.

– И ты поверила этому подонку! – вскричал он и в благородном негодовании хлопнул дверью.

Стемнело. Теперь вокруг не было ни одной машины. Сигареты кончились. Он смял пустую пачку и, бросив ее в кусты, направился к машине.

ПРАВДА О МОСТАХ И ТУННЕЛЯХ

Прежде чем попасть на день рождения к приятелю, он решил навестить отца. Для приятеля надо было купить бутылку коньяка, и он завернул в магазин. В «заведении питейном угол Невского с Литейным», – как сочинил какой-то остроумец, – он встретил другого поэта, бывшего сайгонщика. Теперь, когда кафетерия «Сайгон» больше не существовало, непонятно было, как называть бывших его завсегдатаев. Сайгонщики? Кто-то даже придумал сайгонавты. Поэт позабавил его смешной историей, которая случилась с ним в аэропорту, где поэта приняли за террориста. Придя к отцу, он рассказал ему этот случай, желая его повеселить. Но отца это совсем не рассмешило.

– Вот тебе твой «Сайгон», – завелся он, – ну что это за люди? Самозванные поэты. Великие среди двух друзей художники! Позор общества.

– Побойся бога, отец. «Сайгон» давно не существует.

– Не существует, а дело его живет, – буркнул отец.

Ему всегда было смешно и даже неловко, когда отец называл его «отпетым сайгонщиком»: он был там, скорее, рядовым завсегдатаем. Здесь были свои цари и герои. «Если бы «Сайгон» был не кафетерием, а государством, – размышлял он, – и чеканил свою монету, то на ней должен был красоваться профиль поэта Эмиля». Вот кто находился там постоянно! Никто никогда не слышал ни одного стиха, написанного Эмилем, но он был поэт, как говорили, «*by default*», по определению. Внешность, мировоззрение, образ жизни, отщепенство делали его поэтом. Еще на монете, можно было выбить профиль Колесникова. Или сразу обоих. С одной стороны – красивый, библейского вида Эмил, с другой – слегка уродливый Колесников. При разговоре глаза Виктуара Колесникова смотрят в разные стороны – один прямо на собеседника, другой же независимо блуждает, вертится по орбите, вероятно, в других мирах. Такие разные глаза, по воспоминаниям, были у гениального поэта Гумилева. В «Сайгоне» тоже хватало гениев. Двери «Сайгона» были широко раскрыты – и в тюрьму и в большую литературу.

Первый раз он попал туда случайно, еще в десятом классе. Просто зашел выпить кофе в кафетерий недалеко от дома. Поначалу с ним заговорил незнакомый молодой человек, затем к ним примкнула стайка девушек. Все эти девушки были длинноволосые с ленточками вокруг лбов, с множеством серебряных браслетов, и когда они прикуривали сигарету, браслетки со слабым звоном падали до локтя. Как-то незаметно эта компания переместилась в дом Сержа, того молодого человека, который первым с ним заговорил. Он понятия не имел, что будет там происходить, но виду не подавал и за всеми внимательно наблюдал. А происходило вот что: в большой пустой комнате все расселись по ее периметру, в центр поставили откуда-то взявшийся в январе мешок с курагой и стали читать стихи. Он стихов не писал и теперь с ужасом думал, что же будет. Но, оказалось, что стихи надлежит читать не всем. Некоторые должны попросту слушать. Встал Серж, похожий на поэта Плещеева из учебника литературы, и тихо стал читать, то что недавно «накропал»:

А, может, это наша вина,
Что путаем следствие и причину.
И только Император знает когда,
Ведь ему предсказали его кончину.
И дикая утка ему не страшна,
Когда он идет любоваться закатом,
Захочет – и кончится эта война
На то он и Император.
А эти, картофеля едоки,
Что знают они о числах и датах,
Сидят, положивши на стол кулаки,
И не спешат любоваться закатом.
И из вселенских больших величин...

Последних строчек он не расслышал. Ему очень мешала сидящая рядом с ним маленькая девушка. Она все время вертелась, устраиваясь на своей шубе, задавала множество вопросов, ответов на которые у него не было и при этом называла его «сероглазый король». Он где-то слышал это, но не помнил совершенно где. Место ему досталось плохое: у окна и батареи. Сидевшие в комнате время от времени подходили к центру, к мешку с курагой. Он делал то же, что и все. В какой-то момент Серж подошел к мешку, зачерпнул в кулак курагу и тотчас его разжал со словами:

Господа, я не могу
Больше видеть курагу.

И как будто подали сигнал. Пошло-поехало:

– Курагу отдай врагу и отведай творогу, – посоветовал некто.

– Не хочу я творогу, мне б говяжье рагу, – привередничали в углу.

– Вам говяжье рагу я доставлю к четвергу, – вдруг вставила маленькая девушка, сидевшая рядом с ним на шубе. Он тоже что-то пытался придумать: на снегу, не могу. Но когда до него дошла очередь, только и сказал: ку-ку.

– Позови свою каргу приготовить нам рагу, – потребовала девушка, одетая в балетную пачку и с нарисованными вокруг глаз фиолетовыми кругами.

– Не зови свою каргу. Лучше позови слугу, – отсоветовал кто-то.

С минуту все молчали. Потом девушка справа от него запричитала:

– Ах, на этом берегу, потеряла я серьгу!

– Как найдешь свою серьгу, заверни ее в фольгу, – отозвался сам Серж.

– В слове фольга ударение на первом слоге, – почему-то обиженно сказала девушка на шубе.

– На первом слогу, – шутливо поправил кто-то.

– Ах, в такую-то пургу, да на этом на снегу...

Проснулся он от боли: на руке был ожог от батарейного жара, в шею так надуло из окна, что он не мог ее повернуть. С трудом отыскав свою куртку, перешагивая через спящих на полу, он вылез на свет божий. Было раннее утро. С тех пор «Сайгон» стал частью его жизни, хотя близких друзей он там не завел. Поначалу он завидовал этим ребятам, поняв, что он другой. Он не мог вот так сорваться вдруг без гроша в кармане в Таллинн. Или пропадать несколько дней на острове Валаам, не сказав ничего домашним. Он понял, что ему нужен утренний душ, чистая рубашка и мамин горячий обед. Стало ясно: он более ответственный и более скучный. По этому поводу он пережил что-то вроде юношеского потрясения.

Вспоминая теперь все это, он не слышал и половины того, что говорил отец.

– Надо жить в обществе и приносить ему пользу, – теперь расслышал он.

– И врать, врать..., – закончил он отцовскую фразу.

– Почему врать? Кто врет?

– Все. А сайгонские люди не врали, хотели правды. А ваше поколение их тюкало за то, что жили не по-вашему. Вот, для примера, твой любимый коллега, который ходит по школам и о войне рассказывает. Ну и врет.

– Максим Донцов, – веско начал отец, – пошел на фронт мальчишкой, прошел всю войну. Он герой.

– Ну и пусть расскажет то, что нам на кухне: когда первый раз увидел убитого, началась у него рвота. Рвота и понос долго не проходили...

– Зачем же это слушать школьникам? Надо героизм воспитывать, а не о физиологических подробностях рассказывать.

– Надо рассказывать правду, – не отставал сын, – чтобы только от слова война начиналась рвота, и не повадно было. А не «Ура, мы ломим...». Вот ты учишь студентов в институте расчетам по мостам и туннелям. Ты же говоришь им правду об этих расчетах...

– Ну, сынок, – перебил отец добродушным тоном: заговорили на его любимую тему, – мосты и туннели – тут нужен тонкий расчет. И только правда. Это тебе не люди. Ты представь себе мост, это же гигантское сооружение, едут по нему многотонные машины. Маленькая ошибка – и человеческие жертвы.

– А в других областях жертв нет из-за вранья и неправильно-го расчета, так?

– Мосты и туннели, – произнес отец мечтательно, – это дело тонкое.

Он ушел от отца с тем же ощущением, что и всегда: договориться невозможно.

К приятелю он немного опоздал. Народу там собралось уже значительное количество. Приятель этот – как раз старый сайгонщик – был по возрасту прилично старше. И друзья его и «барышни», как раньше в «Сайгоне» называли девушек, тоже из более старшего поколения. Он очень любил этих людей. Барышни, – теперь это были женщины шестидесяти с лишним лет, – особенно его умиляли. Они все так же одевались, как в былые годы, и наряды их больше походили на театральный реквизит. Они запросто говорили о старых уехавших сайгонщиках: Серее и

Мише, имея в виду Довлатова и Шемякина. Поминали Кузьминского и Кривулина. Все так же много курили и спорили. Он как раз попал в разгар их спора о какой-то вновь вышедшей книге. В книге этой, - насколько он понял, – было слишком много подробностей из личной жизни поэтов Серебряного века. Одни говорили, что эта правда помогает лучше понять личность поэта, а значит, и его стихи. Другие, – что правда не всегда нужна, что подчас она мешает восприятию, покрывая ненужной пылью чистый образ поэта. Особенно настаивала на скрывании этой правды одна барышня:

– Ну зачем мне все эти менажи а труа, трисамы и так далее? – возмущалась она. – Зачем?

Она была свободной рукой, той, что не держала сигарету, себя по коленке и твердила:

– Зачем мне эта правда? И кому нужна эта правда? Я же первая хочу думать, что «Прекрасная Дама» была, была, была во всех отношениях дамой прекрасной!

ИСПАНСКОЕ КАПРИЧЧИО

После развода с мужем она не сразу поняла, что осталась совсем одна. Поначалу была занята выяснением отношений, а когда выяснила, начался следующий этап – ненависть к нему и к «этой». Потом развод. Все друзья, с которыми было столько общего, оказались друзьями мужа. Пригласить их за просто в гости стало неудобно. Вскоре выяснилось еще, что фирма, где так успешно работал ее зять, уезжает в другой город. А с фирмой и зять, а значит, и дочь. Ко всему этому надо было привыкать. Теперь она думала о том, что вот была же у нее до свадьбы веселая компания. После замужества она как-то резко перестала со всеми видаться, посвятив себя семье. И что? Какой итог? И где теперь, интересно, все эти люди? Ее вдруг поразила мысль, что все они живут в одном городе, и при желании можно всех увидеть. Нет, всех она и не желала видеть, но вот Рика... Конечно же, Рик с Кирой. Пусть так. Хотя бы просто посмотреть. Эта пара всегда была для нее загадкой: красивый, обаятельный, веселый Рик, студент факультета журналистики. Всегда элегантно одетый и рядом – Кира. Помнится, училась в медицинском. Все тогда были хоть немного влюблены в Рика, но он видел только одну Киру. А какие девушки были у них в компании! В число «каких» она, конечно, включала и себя. Даже имя свое он получил от Киры. Кто-то сказал: Кира и Кир. Но это было как-то неблагозвучно, и тогда поменяли на Рик. И новое имя ему очень подходило.

Все вечера после работы у нее теперь были свободны, и она стала действовать.

Многие номера телефонов не работали или принадлежали другим людям. Все-таки четверть века прошло! Наконец ей повезло: ответила Светлана. Недавно она перенесла операцию, была дома и почти все обо всех знала. Шушпанов женился на болгарке, Марик в Израиле. Среди прочих она знала номер телефона Киры. Они немного поговорили, и Светлана вдруг вспомнила, что у нее есть также телефон Рика. И было как-то неясно:

он же с Кирой встречался так серьезно. И что же? Они не вместе? Уточнять она не стала. Решила получить информацию из первых рук.

Рику позвонить она не решилась и начала с Киры. К телефону подошел явно Кирин муж, сообщил, что она много работает, недавно стала заведующей отделением клиники. «Везучая эта Кира, – подумала она, – был Рик, теперь заботливый, судя по всему, муж. Заведующая отделением». Из всех, до кого ей удалось дозвониться, навестить ее обещала только одна Кира. «Вот и хорошо: узнаю, что случилось, почему все-таки Рик ее бросил», – она сгорала от любопытства.

В назначенный вечер Кира пришла. После первых восклицаний, удивления она решила, что Кира мало изменилась: тот же внимательный взгляд светлых глаз, плоские волосы. Обязательная такая девочка. Только немного постарела. Хотя они в молодости не были близкими подругами, но обеим было что вспомнить о том времени, об их былой компании. Ей не терпелось спросить про Рика. Но первой задала вопрос Кира:

– А когда ты последний раз видела Рика?

Оказалось, что она видела его за день до того, как он с Кирой поехал в Испанию.

– А я, – заметила Кира, – ровно на неделю позже. После недели, проведенной в Испании, мы расстались. С тех пор я его никогда не видела.

– Как? Что произошло? – ахнула ее собеседница и даже придвинулась ближе в ожидании интересного рассказа.

Мадрид их обоих очаровал. Они бродили по городу, при этом часто заходя в музей Прадо. «Музей Ветчины» просто умилил. Весело они проводили эту мадридскую неделю. На ходу сочиняли всякие глупые частушки: «написала я Майн Риду, что слоняюсь по Мадриду». И прочие смешные нелепости. «А ведь Мадрид, наверное, от слова мадре – мать», – пришло в голову Рику. Вспоминали все, что относится к Испании: «весь я в чем-то норвежском, весь я в чем-то испанском», «я здесь, Инезилья». Видели корриду. Танцы фламенко. Возвращались в отель усталые, но и здесь не могли утомиться. Рик с одеялом в руках изображал тореадора. Кира, дергая в разные стороны юбку и поводя белесыми бровями, неумело играла Кармен. Они много смеялись. И тогда утихала тревога, которая появилась у Киры здесь, в Ис-

пани. Она даже мысленно начинала ругать себя: все это надуманное, я преувеличиваю. Но не могла забыть всплески его внезапного гнева, злое выражение лица. Первый раз это было после посещения музея. «Как много гениальных художников дала Испания», - произнесла она тогда, первый раз побывав в Прадо. И тут Рик стал доказывать, что в таких условиях – красота пейзажа, климат – даже стыдно гением не быть. И он был бы, конечно, гениальным живописцем, родился он здесь. Обычное, вроде, замечание, если бы не настороживший Киру желчный сарказм, несообразно поводу. Злая усмешка. Потом были еще всплески, менее заметные. А к концу поездки как-то прекратились. И Кира успокоилась.

В последний день перед отъездом вернулись в гостиницу пораньше. Принесли с собой вино, сыр и сели праздновать последний день в Испании.

– Давай, – предложил Рик весело, – увековечим наши испанские впечатления. Каждый напишет что-то вроде испанской баллады, нет, лучше назвать испанское каприччио...

– Только не в стихах, Рик! – взмолилась Кира.

– Хорошо, – милостиво согласился он, – форма и содержание – вольные. Время – двадцать минут. Победенный исполняет любое желание победителя. Но должен быть испанский дух. Согласна?

Он взял лежащий на тумбочке гостиничный блокнот, вырвал оттуда два листа. Один подал Кире. Ручка нашлась только у Рика. Что же делать? И Кира придумала: полезла в сумочку и достала черный карандаш для глаз. Все равно лежит без дела. Они сели подальше друг от друга.

– Поехали! – Рик взмахнул сувенирным платком.

Двадцать минут пролетели так быстро, Кира едва успела поставить точку. Они обменялись сочинениями. Быстро пробежав глазами Кирина листок, Рик резко встал и, вырвав у нее из рук свой, стал рвать его на мелкие кусочки.

– Что ты делаешь, Рик? – изумилась Кира. – Зачем? У тебя так хорошо про корриду...

– Про корриду? – и опять это злое, желчное лицо. – Вот именно. О чем еще может написать человек в Испании? Конечно, про корриду. Тривиально мыслящий человек пишет про корриду, учась на факультете журналистики. А ты почему не написала про корриду? А?

– Рик, не надо. Ты прекрасно пишешь, у тебя есть талант и...
– Смазливая рожа у меня есть. И больше ничего. «Нет больше Пиренеев!».

Он вышел из номера, оставив ее одну. Вернулся поздно. За весь этот последний вечер они не сказали друг другу ни слова. То же было и утром: молча собрали вещи, молча поехали в аэропорт. В аэропорту у них состоялся короткий диалог насчет билетов и паспортов. В самолете тоже молчали. Прилетели вовремя, по расписанию. Когда выходили из самолета, Рик, объявив: «между нами все кончено, Кира», быстро пошел вперед...

– Это был последний раз, когда я видела Рика, – закончила Кира свои воспоминания.

Хозяйка дома за это время даже не переменила позы, так напряженно она слушала. «Конечно, посмотрелся на испанских красоток. Наивная ты, Кира», – подумала она.

– Послушай, Кира, давай сейчас позвоним Рiku, у меня есть телефон. Пусть он придет, ведь это дела давно минувших дней, и тебе было бы интересно, как он прожил эти годы. Разве нет?

И не дожидаясь ее согласия, она набрала номер. Ответил Рик, она сразу узнала его голос. Предполагая, что он забыл ее за столько лет, она тут же объявила, что у нее Кира: вот они встретились, не хочет ли и он подъехать и вспомнить вместе то веселое, безоблачное время. К ее удивлению, Рик обещал быть через полчаса. И не обращая внимания на Кирины протестующие жесты, она продиктовала адрес.

– Это ни к чему..., – начала Кира.

– Ну почему? Интересно.

И она пошла в спальню подкрасить губы, поправить прическу.

Когда она вернулась, Кира все так же сидела на диване в напряженной позе. Все происходящее показалось ей вдруг нереальным. Как будто она участвует в чужом, не понятном ей спектакле. «Неужели я сейчас увижу Рика?».

Рик приехал даже скорее, чем они ожидали. Такой как прежде. Элегантный. Только с сединой, которая очень ему шла. С букетом белых роз в руках. Букет этот, почти не глядя, он сунул хозяйке дома. Он смотрел на Киру.

– Здравствуй, Кира! – громко и торжественно произнес он. – Салют доктору!

– Здравствуй, Рик, – тихо ответила Кира. Ей показалось, что он нетрезв.

– Я на минуту, – продолжал он почему-то громче, чем требовалось. – Меня ждет такси. Вот пришел отдать долг. Ты же победитель, – он усмехнулся. – Вот я и исполняю твоё желание: ты хотела, чтобы я приехал. Я приехал. Ты победила, Кира. И вообще по жизни, и в частности.

Он полез во внутренний карман пиджака и бросил на стол свернутую бумажку.

– Прощайте. Будьте здоровы.

Он повернулся и вышел. Хозяйка поспешила его проводить. Вернувшись, она застала Киру растерянной, поникшей. С минуты обе женщины молчали.

– Как изменился Рик, – произнесла Кира печально.

– Изменился? А, по-моему, несколько. Все такой же красавец.

Кира долгим и внимательным взглядом посмотрела на нее. Зазвонил Кири́н телефон. Муж предлагал за ней заехать. Она отказывалась: «Возьму такси, отдыхай, не волнуйся. Нет, ждать не надо». Женщины обнялись на прощанье. И Кира ушла.

Оставшись одна, она силилась понять, что же сейчас произошло. Мысли ее перескакивали с одного на другое: «что связывает этих двоих? Какой Рик интересный. А Кира просто дура. Не смогла удержать. Надо поставить розы в воду».

Взгляд ее задержался на бумаге, которую бросил Рик. Она достала очки и, развернув бумагу, села на диван. Это был листок, вырванный из гостиничного блокнота. В верхнем углу стояла круглая печать с надписью «*LOS CONDOS*».

Ниже она прочла написанное черным, осыпающимся карандашом: «В стеклянном сосуде окна налита черная испанская ночь. Девочки-сестры глядят в ночь. Чуть светятся темные обелиски фонарей. Сонные удочки качаются в каналах. Странной формы предмет с грохотом катится по булыжной мостовой. И в предчувствии беды зарыдала старшая. Безучастно-светла была улыбка младшей, глядящей в ночь».

